

ISSN 0131-5994

РОВЕСНИК 3'91

МАРТ

В НОМЕРЕ:

4. СМОТРИТЕ
6. Стефани Розенкранц. ЕВРОШКОЛА
8. Жан-Поль Мари. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ
10. Тим О'Брайн. ТРУС
12. СВАДЕБНЫЕ СТРАДАНИЯ
14. Жан-Поль Кайо. УЙТИ В МОНАСТЫРЬ
17. РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»
19. Жан-Себастьян Стели. «КРОССОМАНИЯ»
20. Алла Грачева. СКУЛЬПТОР ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. ИСТОРИЯ В ЦИТАТАХ
28. Миклош Вамош. И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...
29. Е. Иринина. КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА
30. ВИДЕОКЛУБ

На первой странице обложки: эти юноша и девушка на одной из будапештских улиц и не подозревают, что попали в объектив фотокамеры корреспондента Виктора ВАСЕНИНА.

РОВЕСНИК 3'91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:

Журналистский коллектив редакции
ЦК ВЛКСМ

ИПО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ,
С. М. ГОЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ
(ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б.
МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ,
Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ
(зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление художника И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор 04.01.91. Подписано в печ. 01.02.91. Формат 84 x 108¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная, глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл.-кр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 2 095 000 экз. Цена 50 коп. Зак. 2291. Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцевская ул., 21.

НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ, В ШКОЛУ

В свои одиннадцать лет Солон Сэдовой из Линокса, штат Массачусетс, США, ни разу не был в школе — и не слишком опечален этим обстоятельством. Только в прошлом году он научился читать («Даже сам не понял как»), а счет освоил за кассой в магазинчике родителей.

Кто он — абсолютный чемпион мира среди прогульщиков, метящий в Книгу рекордов Гиннеса? Да нет, просто один

исходит и из религиозных соображений, другие же напуганы на то, что обучение — процесс в высшей степени «интимный» и не может быть поставлен на «поток».

Дебаты вокруг «внешкольного» образования набирают силу, а пока, как водится, меньше всего исход протоборства идей зависит от самой заинтересованной стороны: от детей.

На снимке: домохозяйка Диана Рутхазер проводит церемонию присяги американ-

из полумиллиона американских детей, «изъятых» папами и мамами из системы школьного обучения и получающих образование на дому.

То, что еще несколько лет назад могло считаться чудачеством и исключением из правил, сегодня приобретает масштабы общенационального течения. В одном только штате Мэн в 1990 году полторы тысячи родителей обратились к властям с просьбой разрешить им домашнее обучение собственных чад. Для сравнения: в 1981 году таких заявлений было всего... четыре.

Что требуется от родителей, чтобы получить данное разрешение? В некоторых штатах, например, в Южной Каролине — диплом о высшем образовании. А в 32 штатах, от Нью-Йорка до Калифорнии, и того меньше: аттестат средней школы.

Наиболее популярные аргументы родителей-бунтарей: в школах учат кое-как, они переполнены и небезопасны. «Во всяком случае, я могу поручиться, — заявляет мать четырех мальчишек в возрасте от 4 до 13 лет, постигающих науки, не выходя из дома, — что у меня в квартире нигде не запрятаны наркотики». Иные родители

скому флагу на дому со своим сыном Джонотаном, 6 лет, и дочерью Джой, 8 лет.

СТОЛИЦА МАФИИ

Пальма ди Монтекарло, прибрежный городок на юге Сицилии, на первый взгляд кажется забытым Богом местечком, где течет сонная, покойная жизнь. На самом деле жить тут совсем небезопасно: итальянские журналисты окрестили городок «столицей мафии». Почему? За один только год сицилийской мафией в нем совершено 16 убийств. Если подсчитать, какое число жителей приходится на каждого убитого мафией, то выяснится, что Пальма ди Монтекарло с его 2 тысячами жителей — впереди Палермо и даже Рима.

Своеобразный способ борьбы с мафией в этом городке попробовала молодежная организация «Международная гражданская служба», специализирующаяся на создании трудовых лагерей для добровольцев со всего мира. Девиз организации — «Не словом, а делом!», то есть молодые люди приезжают поработать вместе, а значит, и лучше всего узнать друг друга.

25 человек из разных стран, в том числе двое из СССР, поселились в пустующей (как раз были каникулы) городской

школе и в первый же день приступили к работе: просто убрали мусор на улицах и на побережье. Но все-таки главное дело, ради которого они сюда приехали, заключалось в другом — в общении с местными жителями. Как сказал советский участник акции Валерий из Ленинграда: «Если народ терпит мафию — она

есть, народу надоест терпеть — ее не будет». Итальянскому журналисту, написавшему о ребятах статью в журнале «Эуролио», так понравились слова Валерия, что с них он и начал свою публикацию.

На снимке: добровольцы в Пальма ди Монтекиаро.

ВОССТАВШИЕ МОНАХИ

Дюжина солдат, приставив стволы автоматов к древним стенам пагоды, отдыхают во дворе. Вокруг монастыря установлены проволочные ограждения, армейские расчеты дежурят у пулеметов. «Сюда нельзя! Уходите!» — кричит военный в чине капитана иностранным туристам, пытавшимся сфотографировать массивную, отливающую золотом статую Будды у ворот монастыря. — Приходите, когда ситуация нормализуется».

А ситуация в Бирме (название страны теперь переименовано в Мьянма) такова: после 26 лет правления генерала Не Вина, насаждавшего здесь своеобразную форму «восточного» социализма и ушедшего в отставку в 1988 году, в Бирме произошел стихийный бунт студентов, поддержанный Ассоциацией молодых монахов. Вскоре волнения переросли во всенародное движение протеста против власти военных. Военные применили силу. За 6 недель волнений на улицах Рангуна погибло более

Мир Мимоходом

3 тысяч человек. Успокоить население удалось, лишь пообещав скорейшее проведение свободных выборов. В мае 1990 года они действительно состоялись, принеся победу Национальной лиге за демократию, но не прошло и трех месяцев, как военные снова перешли в наступление, арестовав 40 активистов правящей партии, в том числе 16 членов парламента. Также было арестовано 200 священнослужителей, большинство из которых входило в Ассоциацию молодых монахов.

Буддийские монахи объявили бойкот военным, отказавшись принимать от них милостыню, что, по религиозным верованиям, должно лишить тех милости на том свете. Кроме того, военным было отказано в свадебных и похоронных церемониях. Все это, учитывая высокую религиозность среди солдат, в основном выходцев из деревень, где монахи пользуются большим уважением, грозит армии непредсказуемыми последствиями. И что уж совсем неожиданно — миролюбивые монахи забрасывают солдат камнями в то время, как военные вертолеты, проводя психические атаки, висят над самыми крышами пагод, сотрясая их древние стены.

На снимке: буддийские монахи просят подаяние.

педического образования. Зато есть огромный жизненный опыт. В основном консультации дают женщины. Нет, не подумайте, что это женщины легкого поведения, наоборот, все они примерные хранительницы домашнего очага, образцовые жены и к тому же прошли сверхстрогий отбор: штат консультанток в шесть человек был набран из двух миллионов кандидатов! На работу приняли продавщицу, парикмахершу и медсестер. Как говорит хозяин конторы, именно у женщин этих профессий самый большой опыт общения с людьми. Другие важные критерии, по которым отбирались сотрудницы, — мягкий, добрый голос, женщина должна обладать сильным характером, быть личностью, иметь счастливую и полноценную жизнь. Только такая женщина, по мнению хозяина конторы, способна помочь человеку, стесняющемуся подробно рассказать о своих интимных проблемах.

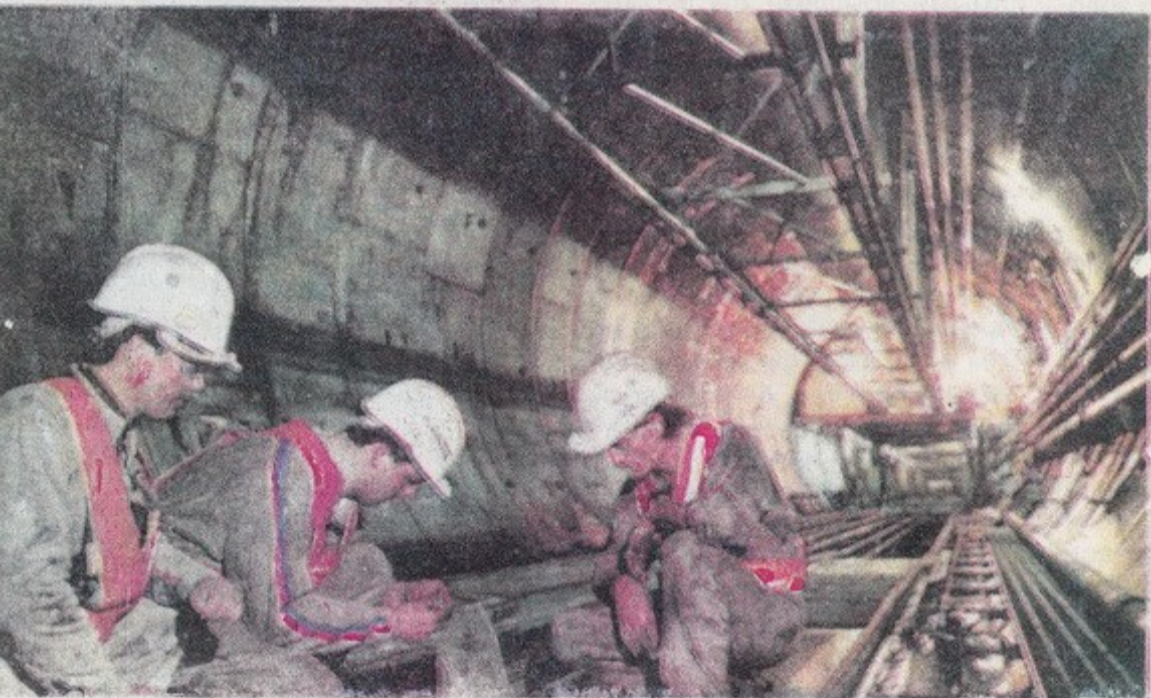
В день сюда поступает около 400 звонков со всей Италии, в основном от одиноких мужчин и подростков. Клиента выслушивают, просят оставить свои координаты и перевести некоторую сумму на счет в банке. Через два дня ему звонят и дают необходимую консультацию.

ЛИЦЕИСТЫ СНОВА БУНТУЮТ

Во Франции учащиеся лицеев в который раз выходят на улицы требовать от правительства права на нормальную учебу: чтобы не по сорок человек в классе, чтобы не исключали из расписаний уроков целые темы из-за отсутствия преподавателей, чтобы не было «второсортных» лицеев, из которых ты гарантированно не поступишь ни в университет, ни на работу, чтобы министр образования извинился за свои слова о том, что нынешнее поколение молодежи обречено быть жертвой. Демонстрации лицеистов проходили бурно: выбитые стекла в магазинах, пострадавшие в драках люди, орудующие дубинками полицейские... Телерепортажи об этих событиях заслонили саму суть проблемы. А проблема все та же: одним — все, а другим — ничего.

На снимке: во время манифестации в Париже.

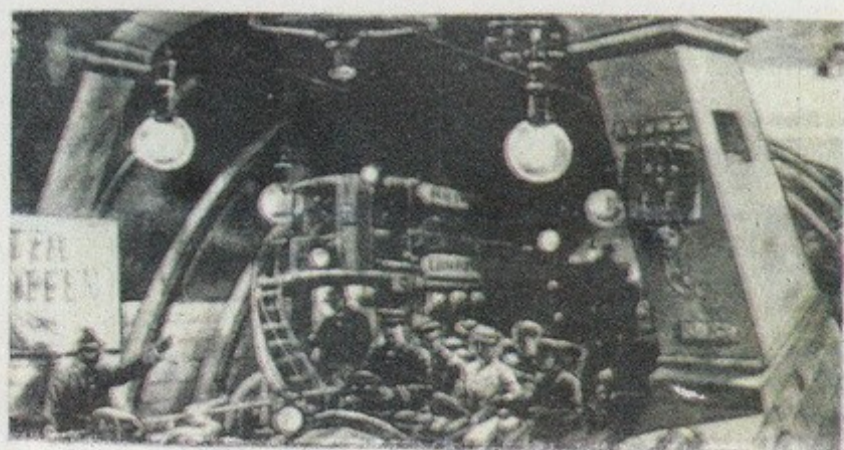

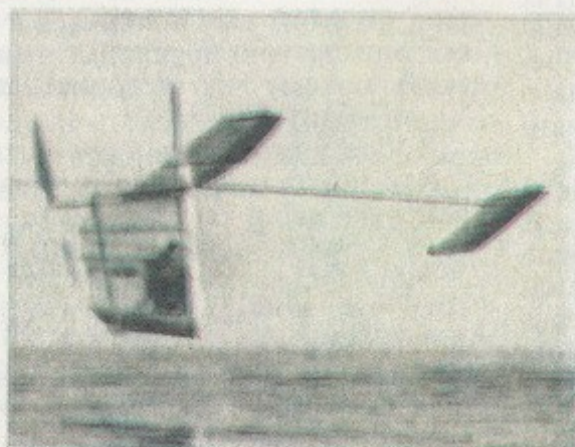
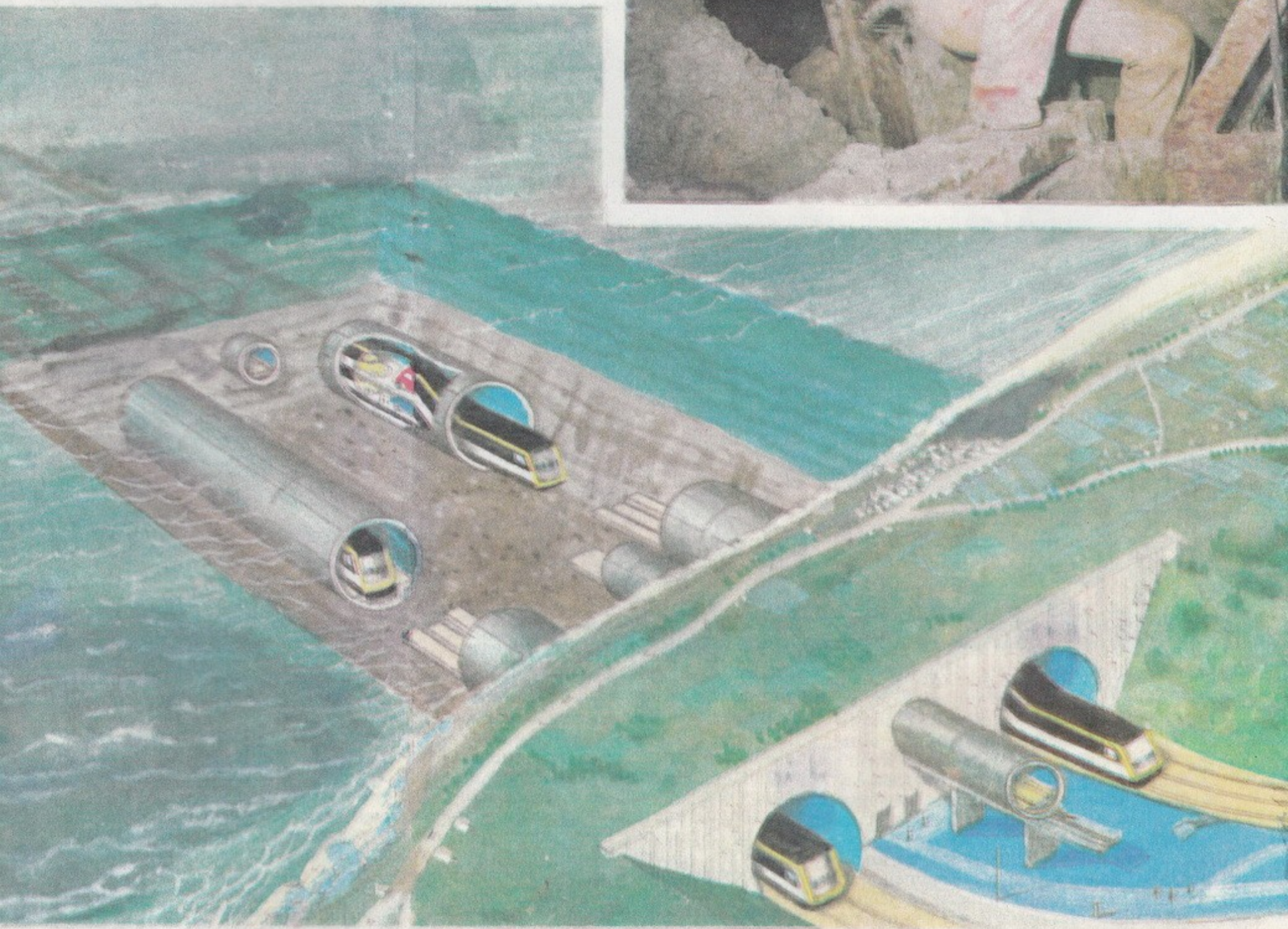
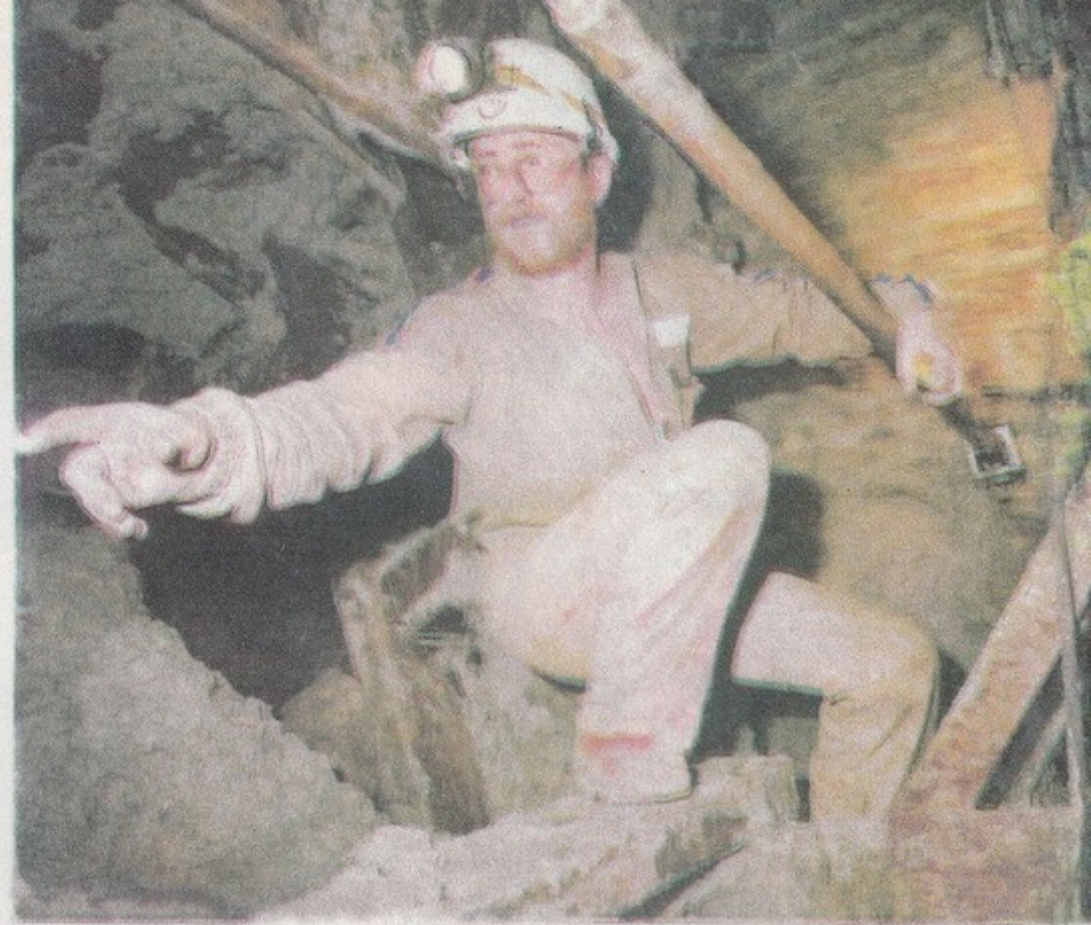

Смотрите:

Проекты соединить надежной переправой Англию с континентальной Европой существовали еще в XI веке. Среди наиболее серьезных был предложенный Бонапарту план строительства под Ла-Маншем освещаемого масляными лампами туннеля для дилижансов. Большинство же проектов, вроде поезда-парохода, подвергались нещадному осмеянию: Гертруда Эдерле, переплывшая в 1926 году пролив, продемонстрировала свое абсолютное неверие в инженерную мысль и умение англичан и французов договариваться между собой. Не менее ироничными были и заплывы через Ла-Манш на машинах и прочих неплавающих предметах.

И все же 1 декабря 1990 года Англия перестала быть островом. Тридцативосьминиллометровый Евротуннель, строительство которого было начато два с половиной года назад, пропустил первые поезда: дрезины повезли французских строителей праздновать окончание «стройки века» в Англию, а английских — во Францию. Через три года, когда туннель заработает на полную мощность, сверхскоростные поезда будут преодолевать его за полчаса.

ЕВРОШКОЛА

Все! Больше никаких уроков латыни! Ни одной строчки про размножение *sus domestica* — свињи домашней, обыкновенной! Никогда в жизни больше не притронусь к гадкому школьному завтраку, не возьму в руки мел и мокрую «вытиралку» для доски — уф!..

Когда я, восемнадцатилетняя, покидала Брюссельскую Европейскую школу (не без гордости созерцая огромный лист бумаги, где черным по белому на шести европейских языках было написано, что я выдержала «европейские» экзамены на аттестат зрелости), меня опьяняла сама мысль о том, что все эти школьные штучки-дрючки наконец остались позади.

С тех пор прошло двенадцать лет.

И вот, я снова сижу в своем классе. С умилением смотрю на выцарапанные на школьном столе каракули: «Putana», «Ich liebe Jean-Luc», «Bob Morley is a fool», «Vive l'amour!»... Читаю и ловлю себя на мысли: «Господи, какая же скука с утра до вечера слышать только

У них двенадцать родных стран и девять родных языков, а объединяет их одно: они учатся в европейской школе. Там они познают друг друга и еще кое-что: они чувствуют себя как дома на всем Европейском континенте.

немецкую речь, читать по-немецки, говорить по-немецки и вообще общаться исключительно с немцами!»

Пятнадцатилетние «европейцы» родом из Бельгии, Великобритании, Германии, Голландии, Греции, Дании, Люксембурга, Франции, Испании и Италии носятся, скачут вокруг меня и орут в настоящий момент по-французски. Они ждут сейчас учителя истории, но стоит ему появиться в классе, как они дружно переходят на английский, потому что историк Джереми Холл — британец.

Добро пожаловать в еврошколу!

Как похожа здешняя суета на библейскую «великую стройку» — возведение Вавилонской башни! Однако это не простой хаос языков, это хаос со смыслом: из маленьких итальянцев, французов, испанцев, греков, португальцев, датчан, немцев, ирландцев, люксембуржцев, британцев и бель-

Стефани РОЗЕНКРАНЦ, немецкая журналистка

гийцев здесь растят людей, которые станут «европейцами по духу». Именно так и написано в специальной декларации, текст которой замурован в фундамент каждой из девяти ныне действующих еврошкол.

Эта идея кажется взятой напрокат из умного учебника педагогики, но на самом деле она выросла из жизненной необходимости, и в основе ее — простая случайность. Еще в 1953 году в Люксембурге служащие одной международной фирмы организовали для своих детей совместный детский сад. Потомство международных чиновников успешно подрастало, и садик со временем превратился в школу. А в 1957 году образовалось Европейское экономическое сообщество и взяло к себе под крылышко эту первую меж-

дународную школу. Сегодня в шести странах Европы, где имеются крупные учреждения Сообщества, существуют еврошколы с дошкольными группами. Там ребята проводят целый день, и там из них «делают европейцев».

Происходит это следующим образом.

Вот пятнадцатилетний Данни, ученик испанского отделения. На своем родном языке он изучает литературу, математику, естественные науки и основы религии. Историю же и географию он обязан учить на одном из трех языков: английском, французском или немецком — на выбор. Данни остановил свой выбор на английском, поскольку уже изучал английский в младших классах. Помимо того, три раза в неделю он занимается французским. По-французски он может общаться и со своим учителем физкультуры.

А вот — Инга. Она ровесница Данни, датчанка. Историю и географию она изучает на французском, трижды в неделю занимается английским и разговаривает по-английски на уроках музыки, а флиртует со своим мальчиком по имени Паоло на итальянском...

Вот и выходит, что никак невозможно закончить еврошколу, не оказавшись при этом, как минимум, трехязычным!

Лингвисты ломают головы над чудесным феноменом «еврошкольников»: поразительные языковые навыки, редкостная жажда знаний у детей! Даже термин изобрели: «непосредственная релевантность», что должно означать примерно следующее: резкий скачок в овладении иностранным языком при непосредственном общении. Юная датчанка Инга описывает «феномен» гораздо проще:

«Чем ты младше, тем больше времени проводишь с ребятами своей национальности. Но как только начинаешь интересоваться мальчиками, так сразу, хочешь не хочешь, становишься интернационалисткой. У нас на датском отделении, например, мальчишки просто чокнутые. И надо быть идиоткой, чтобы с ними общаться. Да и чего ради? Только потому, что они говорят по-датски?! Ну а когда знакомишься с другими ребятами, надо же о чем-то говорить и понимать, что они говорят... Жить вообще веселее и интереснее, если знаешь как можно больше языков».

В обычных школах учителя только наводят тоску на ребят нудными проповедями о взаимопонимании и дружбе народов. Это ничего не дает. Совершенно ничего, потому что там просто нет никаких таких «других народов», с которыми нужно было бы ужиться «во взаимопонимании и дружбе». А здесь, в Брюсселе, все не так. И когда малыши играют в классики или в салки, или дерутся, они быстренько понимают что к чему. Здесь нельзя вырасти шовинистом! И любой человек — будь он даже от горшка два вершка! — испанец, немец, француз, живо усваивает, что его нация не самая главная, что делить людей по национальному признаку глупо и как надо себя вести, чтобы «мирно со-

существовать».

Когда я сама была маленькой и ходила в эту школу в первый класс (а может, и во второй, точно не помню), то мы, если случалось на перемене с кем-то поссориться, обзывали противников «макаронниками», «лягушатниками» и «кааскопес». А они в ответ кричали нам: «боши!», «нацисты!». Но однажды мы, немецкие дети, вдруг осознали, что «бош»² и особенно «нацист» — это гораздо обиднее, чем какой-нибудь «кааскопес», что означает всего-навсего «сыр» или «сырная голова». Обиднее, потому что страшней и «взаправдашной», ведь нацисты на самом деле жили и были немцами. И это они держали нашу итальянскую учительницу синьору Камподжальо в таком месте, которое называлось Освенцим, где было так ужасно, как больше нигде на свете, и это они там выжгли ей на руке номер и мучили ее... Но синьора Камподжальо тем не менее пришла в нашу школу учить немецких детей и работать бок о бок с немецкими коллегами, хотя ей нелегко было на это решиться и пришлось преодолеть в себе ненависть... к немцам, к нам. И мы узнали про это.

С годами из общего нашего лексикона как-то неслучайно исчезали презрительные прозвища и клички «по национальной принадлежности», их заменили слова, типа «придурок», «козел» и «морда», темпераментно звучащие на разных языках, — значительный прогресс, решительный шаг вперед на пути к единому континенту!

Каждому ученику еврошколы неизбежно приходится взглянуть на собственную родину со стороны, с точки зрения других наций. Здесь ни один ученик не изучает историю на своем родном языке и по своим «национальным» учебникам — и что же?

Британцы узнают из французских учебников истории, что «Grande Civilisation Francaise»³ на голову выше их собственной и что они, англичане, заморили голодом ирландцев! Греки обнаруживают, что с античных времен, когда у них была мировая империя, ими больше никто не интересуется, а интерес к Португалии (к ужасу португальцев) распространяется исключительно на тот период их истории, который заняла жизнь Васко да Гамы. Датчане же, люксембуржцы и бельгийцы сталкиваются с тем фактом, что их родные страны, если и упоминаются в этих учебниках, то лишь как поля сражений...

Итальянцы и испанцы зубрят по-французски или по-английски много всякого про Муссолини и Франко, французы — по немецкому учебнику, — что Аденауэр был, во всяком случае, не менее велик, чем де Голль. А немцы во французских или английских

учебниках истории найдут совсем чуть-чуть про Аденауэра, но зато узнают, что они дважды с начала века промаршировали по Европе, насилая, грабя, зверски истязая и убивая людей, и уничтожили целые народы.

В таком вот общем котле изгоняется самый дух шовинизма не только из учеников, но и из учителей. Педагоги разных национальностей уже много раз общими усилиями пытались создать новые учебники истории Европы, но, к сожалению, все эти попытки с треском провалились. Учителя в еврошколах были вынуждены вернуться к прежним, традиционным учебникам, принятым в школах разных стран, к тому же и им самим пришлось переучиться.

Джереми Холл говорит:

«Наши национальные учебники — сплошной кошмар! В этих учебниках некоторые страны, члены Европейского сообщества, родные страны многих моих учеников, вообще не упоминаются! Ни единым словом... К примеру, Бельгия (страна, где мы сейчас живем!) в английских учебниках фигурирует всего дважды: во-первых, в битве при Ватерлоо и, во-вторых, как «область», оккупированная Германией в двух мировых войнах. Не могу же я учить бельгийского подростка, что его родина есть не что иное, как плац, по которому когда-то промаршировали великие армии! В Англии мне все представлялось вполне нормальным, но здесь передо мной вдруг встал вопрос: а что же я, собственно, знаю про Данию? Грецию? Про государства Бенилюкса?..

С тех пор как я поселился в Брюсселе, я стал ощущать себя жителем Европы. Прежде, в Англии, я мог спокойно «излагать материал» про наши сражения и наши «славные победы». И мне ни разу не приходило в голову: как же это все мелко!.. А тут, в этой школе, я уже не могу, раздуваясь от гордости, воодушевленно рассказывать классу, как адмирал Нельсон в битве при Трафальгаре доблестно потопил испанский флот — ведь передо мной-то сидят испанцы! И теперь я в своей работе стараюсь меньше внимания уделять войнам, а больше — миру».

Сейчас Джереми Холл и думать не хочет о возвращении в Англию. И не потому лишь, что учителя европейских школ имеют «царские оклады», то есть они получают столько же, сколько и служащие Сообщества, но, главным образом, потому, что дома ему теперь было бы слишком скучно. Нечто подобное ожидает и многих его учеников, когда они, сдав экзамены на аттестат зрелости, отправятся по домам, в свои родные страны. Честно говоря, они знакомы со своей родиной весьма поверхностно — знакомство-то

обычно происходит только во время каникул или при случайных визитах к родственникам. И чем больше в европейских школах стираются национальные различия между детьми, тем слабее ощущают они принадлежность к определенной нации.

Они мечтают после школы учиться «настоящей жизни» в таких местах, как Турин или Тюбинген, Мюнхен или Брюссель. Этим «европейцам» трудно приспособиться к собственной «национальной провинции» и к обычной жизни в мире, вовсе не в большинстве своем населенном блестящими дипломатами, элегантными чиновниками Европейского экономического сообщества, обаятельными менеджерами крупнейших фирм и тому подобной высокооплачиваемой публикой.

Некоторые родители и учителя бьют тревогу. Их беспокоит, что воспитанники европейских школ оказываются в новой, незнакомой пока изоляции — изоляции от родины. Что растут они в своеобразном «гетто» — пусть не в национальном, но в социальном. Что у них подрублены корни, связывающие человека с прошлым его родины и питающие его в настоящем. И от этого страдает в своем развитии их духовный мир...

«Какая ерунда! — возражает Данни (который, впрочем, не желает после окончания школы возвращаться в свою родную Испанию, а если представится возможность, мечтает получить высшее образование в Англии). — Какая чепуха — все эти разговоры! Может, мы и не приросли всеми своими корнями к тем странам, где родились, но это вовсе не значит, будто мы какие-то моральные уроды».

А Инга находит, что, во всяком случае, преимущества полученного ими воспитания «в миллион раз больше, чем недостатки. И если бы в Совете министров Европейского сообщества работали бы выпускники еврошкол, а не политики, чьи горизонты ограничиваются пределами своей собственной страны, то Европа давно уже была бы единой».

Перевела с немецкого Галина ЛЕОНОВА

¹ «Путана» (итал.), «Я люблю Жан-Лука» (нем.), «Боб Морли — дурак» (англ.), «Да здравствует любовь!» (фр.). — Здесь и далее прим. пер.

² *Boche* — 1) бош, немчура — презрительная кличка немцев во Франции; 2) (разг.) — свинья; 3) (разг.) — твердолобый.

³ «Великая французская цивилизация».

Долгое время они не осмеливались говорить. Чудом спасенные, возвращенные к жизни после клинической смерти, они хранили в себе странные, но четкие воспоминания о «переходе» в иной мир. Да и кто бы поверил им? Родственники, близкие друзья качали головами, когда «возвращенцы» пытались описать им то, что они видели и пережили «на том свете».

Судебный исполнитель Жерар Шураки, человек, привыкший жить быстро, мчался, возвращаясь из Нормандии с деловой встречи, в Париж со скоростью 140 километров в час. Была гроза. О том дне Жерар Шураки рассказывает тихим голосом, медленно: сказываются два года непрерывных хирургических операций, когда его собирали буквально по частям — в тот роковой день машину занесло и швырнуло об ограничительный бордюр. Впрочем, Жерару повезло, он выбрался из своей машины, конечно, в шоке, но без единой царапины. Но когда выбрался, машина, мчавшаяся по соседней полосе, на полном ходу поддела его... Почти сутки длилась первая операция, еще сутки Жерар Шураки находился в реанимационной — между жизнью и смертью.

Страшный, конечно, случай, но банальный. Куда неожиданнее то, что рассказал Жерар, когда пришел в сознание. «В какой-то момент я оказался над собственным неподвижным телом. Я его видел. Мне хотелось, чтобы оно пошевелилось, но тело «не откликалось». Я не понимал, что со мной

Жан-Поль МАРИ, французский журналист

происходит, почему я вижу сам себя!...» Дальше началось еще более странное: «Я почувствовал, как меня увлекает какая-то сила, было похоже, что я качусь с горы по ледяному желобу. Меня как будто бы стиснуло со всех сторон. То и дело до меня доносились крики, резкий скрежет, музыка, но какая-то какофоническая. Это было жутко!» Внезапно вновь воцарилась тишина, ему показалось, что перед ним открылась черная дыра, за ней начался туннель. «Меня влекло в него. Когда я как будто вплыл туда, сразу стало темно. Понемногу я начал различать далеко впереди свет. Он приближался, становился все ярче. Он ослеплял меня и одновременно манил, как бабочку». Мир, который был освещен слепящим светом, оказался, как говорит Жерар, «спокойным, безмятежным, безопасным». И вновь возникло ощущение головокружительной скорости, «но в этом не было ничего неприятного. Передо мной, как на экране, мчалась вся моя жизнь, с рождения. У меня двое сыновей, и одному

из них, когда все случилось, было шесть лет. Лента моей жизни замедлилась, когда я увидел его, свою семью».

Жерар замолкает. «Я испытывал чувство спокойствия, безмятежности, это состояние манило, мне хотелось идти дальше, посмотреть, что там. А потом я подумал о сынишке, и мне вдруг очень захотелось вернуться назад, к нему».

Жерар Шураки открыл глаза в реанимационной. «Я очнулся и тут же закричал от нестерпимой боли. Я чувствовал, что все мое тело состоит из кровоточащих кусков». Все это время рядом с ним находилась его жена. Она врач. И когда через три дня он смог говорить, он описал ей то, что он пережил. Жена успокоила его, объяснила, что видения скорее всего были вызваны шоком, сильным притоком крови в мозг. Хирург, выслушав Жерара, высказал предположение, что это связано с анестезией.

Жерар Шураки всегда был рационалистом. Он принял объяснения жены и хирурга, согласившись, что видения вполне могли быть вызваны и шоком, и анестезией, и ярким светом ламп в операционной. Тем не менее его не покидало чувство, что пережитое им было «реальным», слишком уж ясным, четким, осязаемым было оно, чтобы считать его галлюцинацией. Впрочем, настаивать на своем он не стал. Просто в нем, рационалисте, что-то изменилось внутри: «Разумеется, я бы больше не хотел испытать ту физическую боль, но смерти я сегодня уже не боюсь. Для меня она теперь — жизнь. В другом мире».

Потом ему делали еще не одну операцию, анестезию, но того, что было с ним в первый раз, не повторилось. Судебный исполнитель Жерар Шураки возвращался к нормальной жизни, стараясь не вспоминать о пережитом и не подозревая, что в это же время в Америке врач Элизабет Кублер-Росс выслушивала от своего очередного пациента, пережившего клиническую смерть, столь же невероятный рассказ. К тому времени у нее было собрано около тысячи подобных свидетельств, достаточно, чтобы сделать кое-какие обобщения, которые, кстати, совпали с выводами другого американского врача — Джона Муди, описавшего в своей книге типичную схему «ухода» и «возвращения»: пережившие клиническую смерть слышат, как врач констатирует остановку сердца, затем — неприятные звуки, чувствуют, как их уносит на огромной скорости в какой-то туннель. После чего они отделялись от своей телесной оболочки, видели свет, наблюдали свою прошлую жизнь, встречали своих умерших родственников или друзей, приближались к предельной точке, за которой, таково было их ощущение, возврата назад нет, и ... возвращались к жизни. Всего одиннадцать фаз, хотя не все «возвращенцы» переживали их в полном наборе. Кроме того, в книге доктора Муди были даны свидетельства врачей-реаниматоров, с изумлением слышавших от своих пациентов, только что выведенных из состояния клинической смерти, точные описания действий врачей, боровшихся за их жизнь. Как если бы они наблюдали за

всем со стороны.

«Жизнь после жизни» — так называлась книга доктора Муди. В середине 70-х она наделала столько шума, что многие врачи посчитали своим долгом опровергнуть «шарлатана». С этой целью начинала свои исследования Элизабет Кублер-Росс, следом за ней вместе с бригадой врачей провел массовые обследования в больнице Коннектикута психолог Кеннет Ринг. Через год и один месяц Ринг констатировал: феномен, описанный Муди, существует и не связан ни с наркозом, ни с галлюцинациями. На другом конце страны, во Флориде, блестящий молодой кардиолог Сэйбом, материалист до кончиков своих электродов, со смехом отозвался о выводах своих коллег и предпринял еще одно исследование в отделениях реанимации. Выводы блестящего кардиолога также подтвердили все, о чем говорили его предшественники, а сам Сэйбом с головой ушел в изучение феномена, получившего название NDE (Near Death Experience — опыт приближения к смерти).

«Прежде всего предупреждаю, что меньшего мистика, чем я, вы не найдете, — с улыбкой предупредил меня президент Французского танатологического общества Винсен Тома, к которому я обратился за разъяснениями, что же такое, по мнению современной науки, смерть. — Кроме того, люди, изучающие смерть, как правило, большие весельчаки. А смерть? Откуда я знаю, что это такое. Хотя я ей занимаюсь уже тридцать лет».

«Возможно, что смерть — это прекращение жизни. Но только — возможно, — настаивал Винсен Тома. — Раньше было зеркало, которым ловили дыхание умирающего, сегодня требуется проведение электроэнцефалограмм через тридцать шесть и даже семьдесят два часа после остановки сердца...» И тем не менее, как я понял, констатация смерти сегодня по-прежнему более юридический, чем биологический акт. За спиной Винсена Тома разные фотографии одной и той же женщины, его супруги, умершей год назад. После ее смерти он начал курить. И никогда не ходит на ее могилу. «Меня никак не трогает кусок мрамора». Но он бережно хранит память о жене: «Я считаю, что человек умирает, когда о нем навсегда забывают».

Танатология — наука, которая занимается NDE, дальше ее интересы не распространяются. Винсен Тома считает, что свидетельства «возвращенцев» не есть истина, но заслуживают изучения, тем более что они схожи вне зависимости от того, принадлежат ли они американцам, европейцам, африканцам, христианам, неверующим или буддистам.

Главное препятствие? Сама тема исследований. «Вы можете представить себя, вопящего на площади: «Привет, я только что вернулся из туннеля, где встретил своих покойных предков!» — иронизировал один психиатр, занимающийся NDE. — На вас станут смотреть, мягко говоря, как на ненормального». Именно поэтому многие из

«возвращенцев» предпочитают доверять свои впечатления только близким или вообще молчат.

Это и не странно. Куда неожиданнее то, что после реанимации многие упрекали врачей за то, что те вернули их к жизни. «Мне было там так хорошо» — вот лейтмотив этих упреков. И еще: большинство «возвращенцев» резко меняет образ жизни. Наш знакомый судебный исполнитель не стал исключением из правила: «Если раньше я цеплялся за время и за место в жизни, то сейчас я чувствую, что все подобное для меня утратило свое значение, я стал больше любить жизнь». Любят жизнь и не боятся смерти, рассказывают всякие невероятные истории и верят в то, что рассказывают... Сумасшедшие? Посмотрим, что думают об этом психиатры.

Патрик Деуаврин работает в клинике для престарелых. Умеет говорить со своими пациентами и слушать их. Он систематизировал свидетельства переживших NDE, отобрав только тех, кто не страдал психическими кризисами, неврозами, не лечился психотропными препаратами. И пришел к выводу, что все эти свидетельства могут быть объяснены с помощью психоанализа. Единственное, что никак не укладывается в рамки психоаналитических схем, — феномен отделения от собственного тела. Никакими психоаналитическими связями невозможно объяснить, как слепые «возвращенцы» могли «увидеть» и в точности описать даже такие мелочи, как цвет галстука хирурга.

В самом деле, как объяснить, например, то, что рассказала пятидесятилетний врач С.? Ее история началась с детской шалости. В 13 лет она услышала рассказ о том, что йоги умеют замедлять биение своего сердца, и однажды вечером решила попробовать проделать такое сама. Нащупала у себя, как учил ее отец-врач, пульс, сосредоточилась и стала внушать себе, что ее пульс должен замедлиться. Удивленная тем, что это ей удалось — хотя ничего удивительного тут нет, феномен волевого замедления пульса широко известен в медицине, — она решила продолжить свой опыт, заставляя свое сердце биться все медленнее и медленнее. «В какой-то момент я почувствовала, что меня как будто выбросило, но очень мягко из моего тела и я стала подниматься куда-то вверх...» С ужасом увидела она внизу свое тело, неподвижно лежащее на диване, и потом, как в комнату заглянула ее мать, поправила на ней плед и, ничего ненормального не заметив, вышла. «Мне захотелось, чтобы все стало, как было, но мне никак не удавалось вернуться в тело, ничего не получалось. Удалось только чуть-чуть опуститься вниз, до уровня, на котором висело зеркало. В нем я увидела белесую туманность. Это пятно как бы паробразной пуповиной было связано с телом... Мне стало жутко. В комнате стало уже совсем темно, я слышала, как звякали ложки на кухне, слышала разговоры родителей; похоже, они сели ужинать... Я сделала невероятное усилие, чтобы вернуться в себя, все кругом дрогнуло, потом...» Когда она очнулась лежащей на диване, она долго шипала себя, чтобы убедиться, что жива.

Рассказать об этом случае своей матери, хотя обычно у них не было секретов друг от друга, дочь решила через пять лет, когда случайно прочла в журнале статью Элизабет Кублер-Росс и дала прочесть ее матери. Но и мать, и отец, а затем и братья лишь посмеялись над ней. Только когда С. стала врачом-психологом и непосредственно занялась исследованиями «раздвоения личности», она поняла, что то, что было с ней, ничего общего с отклонениями психики не имеет. «Самое обидное, что наука не может всего объяснить», — сказала С. на прощание.

«Может, — убежден профессор Реже Дютей, — только не медицина, а физика». Уже семнадцать лет физик Реже Дютей занимается такими явлениями, как скорость, свет и скорость света. И — миром, который находится за пределами скорости света. Дютей считает, что вселенная состоит из трех уровней: до-светового, или мира брадионов, среди которых мы живем; из уровня люксонов,двигающихся со скоростью света, и тахионов, частиц, принадлежащих миру сверхсветовых скоростей. «Математически такая структура вселенной вполне работает, — говорит Дютей. — И это означает, что существует не один, а три вида связи времени и пространства...» Математически, дорогой профессор! «И что же? Эти связи вполне могут сосуществовать. В сверхсветовом мире уже нет такого явления, как время, то есть нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Время и пространство становятся одним целым. Еще кофе?...» Ну и где же эти самые тахионы? Возможно, в институте ядерной физики бельгийского университета в Пуавенла-Нев, где работает физик Жак Стейер. На своем циклотроне он получил частицы, движущиеся со скоростью в 1,2 раза большей скорости света. Тахионы? Нужно еще несколько лет, чтобы с уверенностью ответить на этот вопрос, но руководство университета, в котором очень сильны позиции католической церкви, собирается прекратить финансирование опытов Стейера. Вероятно, потому, что теория тахионов ставит под сомнение великий принцип причинности: «Раз — и времени не существует. Люстра зажигается раньше, чем повернут выключатель!»

Ну а при чем здесь NDE?... «Потерпите, — допивает свой кофе профессор, — поговорим сначала о сознании. Согласитесь, сознание вполне может быть лишь полем неизвестных физике частиц, тех же тахионов, например. А мозг, соответственно, не генератором мыслей, а лишь передающим звеном, чувствительной «пластиной», которая, облученная лучом из мира тахионов, из сверхсветового мира, начинает «отдавать» определенное «изображение»... По мнению профессора, NDE есть переход за световой барьер, в мир тахионов, в котором нет времени. «Такова физика сознания, но, — охлаждает мой пыл профессор, — все это только математическая гипотеза...»

Как ни странно, но человеческая жизнь, возможно, обретает новые границы, и это делает ее не менее, а еще более значимой.

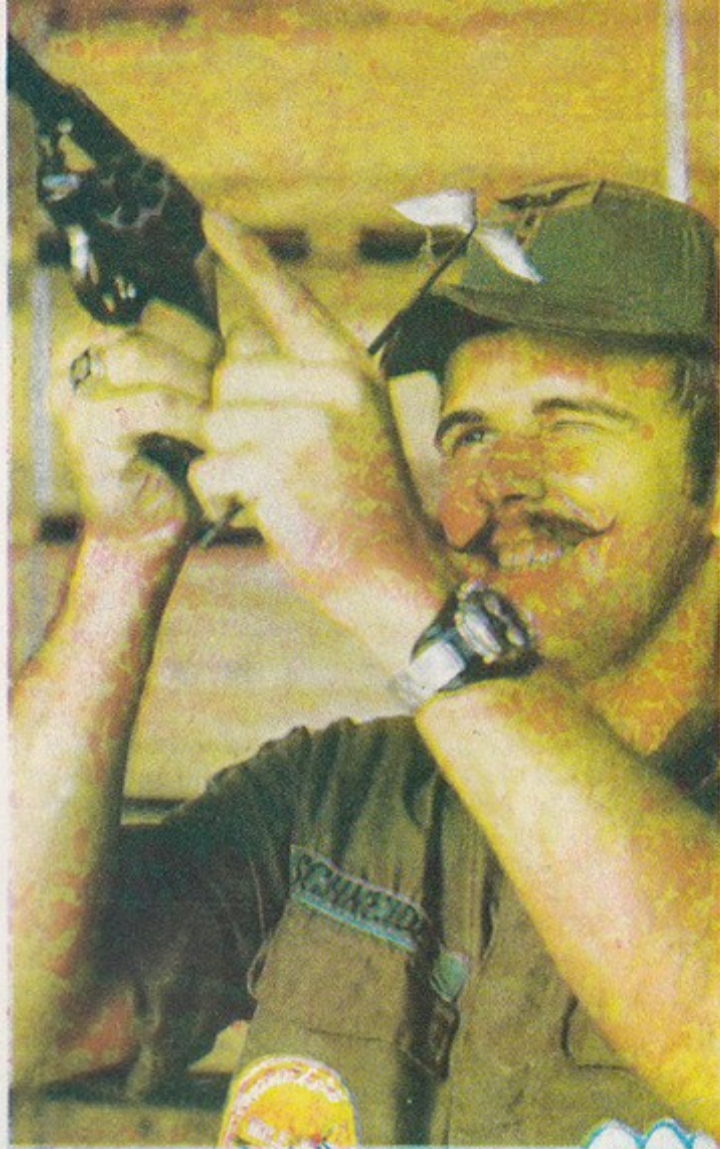
Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

Эту историю я никогда не рассказывал. Никому. Ни родителям, ни брату, ни сестре, ни даже жене. Я всегда думал, что, рассказав, поставлю каждого, кто ее услышит, в неловкое положение, сам же сгорю со стыда. До сих пор меня тошнит от одного воспоминания о случившемся. Все это время я держал боль в себе, меня мучили кошмары, и хотя уже прошло двадцать лет, рана так и не затянулась. И вот я решил все рассказать. Может быть, мне станет легче.

Мне кажется, каждому хочется верить, что в критический момент он способен вести себя подобно книжным героям детства: смело и справедливо, без страха и упрека. Естественно, таким было и мое убеждение тем летом 1968 года. Тим О'Брайн — неизвестный герой. Одинокий стрелок. Если ставки в игре поднимутся достаточно высоко, если очень потребуются наказать зло и защитить добро — я просто открою потайной резервуар мужества, что годами копилось там. Я верил, что мужество достается нам в исчисляемых количествах, и, если его не растрчивать по мелочам, но беречь как в банке, позволяя ему зарабатывать проценты, мы тем самым увеличиваем свой моральный капитал, готовясь к главному дню, когда придется платить по полному счету. Очень удобная теория. Благодаря ей можно было игнорировать скучные маленькие мужественные поступки в обычной жизни и не терять самоуважения, день за днем поступая как трус; она оправдывала прошлое и настоящее за счет будущего.

В июне 1968 года, месяц сгустья после окончания колледжа Макалистер, меня призвали на войну, которую я не признавал. Мне был 21 год. Молод? Да. И политически наивен, но все-таки наша война во Вьетнаме казалась мне несправедливой. Учась в колледже, я по-своему протестовал против нее, хоть и тихо-скромно, без радикализма, но все-таки: позвонил в несколько дверей, вручив брошюры с призывом голосовать за антивоенного кандидата, да написал пару скучных передовиц в студенческую газету. И вот что странно: я не чувствовал, что опасность угрожает и мне лично; наверное, я просто не мог вообразить себя среди тех, кого убивают и кто убивает сам.

Повестка пришла 17 июня 1968 года. Был, как сейчас помню, обычный полдень, тихий и пасмурный. Я только что вернулся с игры в гольф. Папа и мама обедали на кухне. Я вскрыл конверт и едва прочел первые строчки, как перед глазами пошли красные круги. Я помню этот звук в голове. Нет, там не было никаких мыслей — лишь глухой вой. И в ту же секунду меня закрутило в ворохе миллиона разных картинок: слишком хороший, слишком умный, слишком чувствительный, чтобы идти на войну, — слишком, что угодно слишком. Невозможно. Не

Тим О'БРАЙН, американский писатель

ТРУС

для меня. Мои успехи — президент студенческого общества, стипендия в Гарварде. Наверное, ошибка. Недосмотр бумажных бюрократов. Я не солдат. Я ненавижу бойскаутов. Я ненавижу турпоходы. Ненавижу грязь, палатки, комаров. От вида крови у меня кружится голова. Я не выношу, когда мной командуют. Я либерал. Ради бога: если им нужны юные тела на пушечное мясо, пусть призовут всех «ястребов», этих тупарей со значками «Бомби Ханой». Должен же быть закон: если ты поддерживаешь войну, считаешь, что она необходима, — иди и вой, ползай по полю сражения с другими такими же психами, как сам, проливай кровь. И прихвати с собой жену, детей или свою любовницу.

Во мне закипела ярость, но тут же испарилась, я почувствовал скулящую жалость к себе, потом — пустоту. «Какие планы?» — спросил отец за ужином. «Никаких, — сказал я. — Ждать».

Летом 68-го я работал на мясоразделочной фабрике в моем городке Уоррингтон, Миннесота. Фабрика «Армор» специализировалась на разделке свинины. По восемь часов в день я стоял на линии, удаляя сгустки крови со свиных шей. После того как хрюка забивали, его вспарывали, выгребали из него внутренности, вставляли в брюхо распорки и подвешивали тушу на крюк конвейера. Она поднималась высоко под потолок, закон тяготения вступал в силу, и к тому времени, когда туша подъезжала к моему рабочему месту, кровь уже почти не стекала с нее. Мне оставалось лишь удалить кровяные сгустки с шеи и из верхней полости грудной клетки. В моем распоряжении был водяной пистолет. Он свисал с потолка на резиновом шланге и весил, наверное, не меньше, чем туша. Нажимая кнопки, вмонтированные в его корпус, я мог поднять или опустить этого монстра и, всем телом маневрируя вместе с ним, придать инструменту нужное положение. На одном конце пистолета имелся спусковой курок, на другом — сопло и вращающаяся металлическая щетка; когда туша подплывала ко мне, я налегал на пистолет, прижимая его к ней, и надавливал на курок. Щетка вертелась, вода была мощной струей, в розовом тумане раздавались шлепки отлетающих в разные стороны кровяных сгустков. Работа была не из легких. И хотя я трудился в резиновых перчатках и фартуке, все равно, простояв под кровавым душем восемь часов, я возвращался домой насквозь пропахший свиньей, и уже ничем нельзя было смыть этот запах.

В то лето мне не удавались знакомства с девушками. Я чувствовал себя отверженным и большую часть времени проводил в одиночестве, всегда ощущая при себе повестку, запрятанную в бумажник. Иногда по вечерам я брал у отца автомобиль и бесцельно катался по городу, чувствуя к себе жалость, думая о войне, и о свинофабри-

ке, и о том, что все кончено и что меня тоже ждет бойня.

Я был в оцепенении. Надежды растаяли, я летел в какой-то огромный черный колодец, не в силах ни за что зацепиться.

Бывают случаи, думал я, когда применение оружия одной нацией против другой оправдано, как, например, в войне с Гитлером, и я говорил себе, что в подобной ситуации не задумываясь пошел бы воевать. Но проблема заключалась в том, что на призывном пункте не спрашивают, на какую войну тебе хочется.

Кроме того, точнее, прежде всего, был страх. Я не хотел умирать. Никогда. И уж, конечно, не на этой несправедливой войне. Когда я катил по Мейн-стрит мимо здания суда и магазина Бена Франклина, иногда я физически ощущал, как ужас липкой слезью растекался внутри; я представлял себя в невообразимых ситуациях: вот я бегу к вражеской позиции, целюсь в человека...

В какой-то момент, где-то в середине июля, я начал серьезно подумывать о Канаде. Граница находилась в паре сотен миль, всего в восьми часах езды. Мое подсознание и инстинкт убеждали меня бросить все и бежать, бежать, не останавливаясь. Поначалу идея побега воспринималась чисто абстрактно, но слово «Канада» прочно застряло в голове, и через некоторое время я уже видел конкретные образы и детальные очертания моего злосчастного будущего: гостиничный номер в Виннипеге, старый, потрепанный чемодан, глаза отца, когда он слушает мои объяснения по телефону, я даже слышал его голос и голос мамы. Бежать, решал я. И тут же понимал: невозможно. Но через секунду снова решался — бежать.

Это было похоже на шизофрению. Раздвоение личности. Я никак не мог определиться. Я боялся войны — да, но я боялся и ссылки. Я боялся отказаться от привычной жизни, друзей, семьи, своих корней — от всего, что мне было дорого. Я боялся потерять уважение родителей. Я боялся закона. Я боялся осмеяния и осуждения. Мой родной город был консервативным, крохотным местечком среди прерий, где всегда чтили традиции, и я без труда мог представить, как завсегдатаи кафе Гобблера на Мейн-стрит за чашкой кофе неторопливо обсуждают того парня О'Брайна, того писуна, который сбежал в Канаду.

По ночам я не мог заснуть, возмущенно споря с ними. Я кричал на них, демонстрируя, насколько мне ненавистна их слепая, бездумная, автоматическая вера во все это, их тупорылый патриотизм, их гордое невежество, их пошлая привычка все делить на белое и черное; они не знали, зачем меня посылают на войну, они не хотели знать. Всю ответственность я возложил на них. На всех, на каждого персонально, на торговцев и фермеров, на рьяных прихожан, на болтливых до-

мохозяек, на ветеранов второй мировой и на джентльменов из кантри-клуба. Они не знали истории, о причинах национально-освободительной борьбы вьетнамцев, о колониальном правлении Франции, — все это было для них чересчур сложным, ведь потребовалось бы кое-что прочесть. Они знали лишь, что война велась, чтобы остановить коммунистов. Так просто и ясно — именно так они привыкли оценивать жизнь. Ты же предатель и писун, коль у тебя появились сомнения, стоит ли убивать и умирать по столь простой и понятной причине?

Конечно, я был раздражен. Но не только. Меня бросало из ярости в ужас, в оцепенение, в стыд, в тоску и снова в ярость. Я чувствовал, что во мне образовалась болезнь, самая настоящая болезнь.

И я сломался. Однажды утром, во время работы, что-то хрустнуло у меня в груди. Я не знаю, что это было, но это было: физический обрыв, ощущение чего-то треснувшего, растекшегося, хлюпающего. Помню, как опустилась рука, державшая водяной пистолет, машинально я снял фартук и бросился домой. Дома никого не было. Все еще залепанный кровью, я стоял посреди гостиной, пытаюсь сосредоточиться и взять себя в руки. Я заставил себя принять душ, потом упаковал чемодан, отнес его на кухню и опять стоял как истукан, уставившись на знакомые предметы: старый хромированный тостер, телефон, розовая губка. Комната была залита солнечным светом. Все вокруг сияло. Мой дом, подумал я. Моя жизнь.

Не помню, сколько времени я так простоял. Потом написал короткую записку родителям, нечто неопределенное: «Уехал. Позвоню. Люблю. Тим».

Я ехал на север.

Сейчас все, что со мной происходило, я вижу смутно, как и тогда; запомнилось лишь ощущение скорости и руля в руках. Я вел автомобиль как заводная кукла. Словно на автопилоте летел в каком-то нереальном мире по туманному лабиринту, откуда нет выхода. Я так и не смог прийти к определенному решению, просто катился вперед по инерции, как бильярдный шар, стремительно и бездумно. У меня не было плана действий, смутно виделось только одно: долететь до границы, прорваться на полной скорости и бежать, бежать все дальше и дальше.

Я переночевал в машине за бензоколонкой в полумиле от канадской границы, утром заправился и повернул на запад. Я помню огромное синее небо. Справа от меня текла река, местами широкая, как озеро. На том берегу была Канада.

Некоторое время я просто ехал вдоль реки, пока мне не пришлось в голову поискать убежище на пару дней. Я вымотался, меня тошнило от страха. К полудню я остановился у рыбацкого постоялого двора «Тип топ лодж».

Окинув взглядом полуразвалившиеся дом, шесть желтых кабинок, косой причал и фанерный навес для лодок, я уже собирался завести двигатель и проехать мимо, но почему-то вышел из машины и поднялся на крыльцо.

Даже сейчас, двадцать лет спустя, закрыв глаза, я отчетливо вижу себя на том крыльце: выходит старик, Элрой Бердахл, 81 год, костлявый, морщинистый, облысевший, во фланелевой рубашке и в рабочих брюках, в одной руке — яблоко, в другой — перочинный нож, стальные глаза внимательно смотрят на меня. Я испытал странное ощущение, почти боль, когда этот взгляд буквально разрезал меня на части. Возможно, я преувеличивал из-за обостренного чувства вины, но и теперь я совершенно уверен, что едва старик увидел меня, как все понял: у парня большие неприятности. Я спросил, могу ли снять комнату, он кивнул, проводил меня до одной из кабин и вложил в мою руку ключ. «Обед в 5.30, — сказал он. — Рыбу ешь?» — «Что угодно», — ответил я. «Еще бы», — сказал он.

Шесть дней мы прожили вместе — только он и я. Туристский сезон окончился, на реке не было ни одной лодки; казалось, природа ушла в великий покой. Днем мы гуляли по лесу, вечерами играли в шашки или слушали пластинки, или читали у огромного каменного камина. Элрой ни о чем не спрашивал, он понимал, что я не могу говорить: один неверный вопрос — или верный — и я исчезну. Но и без того мои нервы были натянуты до такой степени, что однажды вечером, после ужина, меня попросту стошнило. Я решил полежать-отдохнуть на кровати у себя в кабине, но через несколько минут меня снова вырвало. Или вдруг меня бросало в жар, я обливался потом и ничего не мог с собой поделать. Словно простуженный, я жил в каком-то болезненном тумане тоски. По ночам я не мог заснуть, ворочался с боку на бок, в полудреме представляя, как отвязываю одну из лодок старика, плыву в сторону Канады, меня преследуют патруль береговой охраны, вертолеты, прожекторы, лающие собаки. Я бегу, проламываясь через кустарник, ползу, вокруг кричат мое имя, карающая рука закона хватается за горло — призывная комиссия в моем родном городке, ФБР, Королевская канадская конная полиция. Безумие, фантазматическая. Всего 21 год, обычный парень с обыкновенными желаниями и амбициями — прожить жизнь, для которой предназначен, — обычную жизнь. Он любит бейсбол и кока-колу, он любит Америку, но вот-вот окажется в изгнании, покинет родину навсегда. Это невозможно, ужасно, печально.

На шестой день старик взял меня с собой на рыбалку. Был холодный и ясный полдень. Со стороны Канады дул сильный ветер, я помню, как подкидывало лодку, когда мы миновали причал. Минут пятнадцать Элрой правил против течения, потом резко повернул

на север и запустил мотор на полные обороты. Некоторое время я ни о чем не думал, просто ощущал холодный воздух, бьющий в лицо, пока до меня не дошло, что мы уже находимся в канадских водах. От этой мысли я весь напрягся, впившись глазами в приближающийся берег. Это был не сон. В десяти метрах от берега Элрой заглушил мотор и, не глядя на меня, принялся рыться в коробке со снастями.

Оторвав глаза от старика, я посмотрел на свои руки, потом на заросли деревьев и кустарника, красные маленькие ягоды на ветках, воробья на берегу, большую ворону, идущую вдоль берега. Всего десять метров. Стоит только прыгнуть в воду. Грудь сдавило. Даже сейчас я ощущаю ту боль...

Что бы сделали вы? Вам 21 год, вы испуганы, вам сдавило грудь. Что бы вы сделали? Прыгнули бы в воду? Пожалели бы себя? Вспомнили бы родителей, детство, мечты, от которых пришлось отказаться? Или заплакали бы, как я?

Я попробовал остановить слезы, попробовал улыбнуться, но слезы лились и лились.

Теперь вы поймете, почему я никогда не рассказывал эту историю. Да, мне было стыдно, и даже не слез, а той оцепенелости, парализовавшей мое сердце. Нравственный паралич. Я не мог решиться, не мог действовать, не мог хотя бы напустить на себя чуточку достойный вид. Единственное, на что я был способен, — тихо подвывая и всхлипывая, плакать.

На корме лодки Элрой продолжал притворяться, что ничего не замечает. С удочкой в руках он глядел на воду и бормотал под нос какую-то незатейливую мелодию. Я постарался взять себя в руки, схватился за борт, нагнулся к воде: СЕЙЧАС. Но это было невозможно. Все вокруг смотрели на меня — весь мой родной городок, вся Вселенная — я не мог вынести их крика: «ПРЕДАТЕЛЬ! ПИСУН!» Я покраснел. Я не смог заставить себя быть смелым. Стыд — вот что это было. Стыд поступить правильно.

И я сдался. Я пойду на войну, я буду убивать и, возможно, погибну, потому что мне стыдно не делать это. Я понял, что я — трус. Эта мысль оглушила меня. Я сидел на носу лодки и плакал, теперь уже не стесняясь, рыдал во все горло, громко и самозабвенно.

Элрой молчал. Он ловил рыбу. «Не клюет», — наконец сказал он и запустил мотор, развернувшись назад, к Миннесоте.

Я отвоевал во Вьетнаме и вернулся домой. Я выжил, но не могу назвать это счастливым концом. Я оказался трусом. Я пошел на войну.

Сокращенный перевод с английского
В.СИМОНОВА

«5»

быстро женишься — долго каешься», — гласит греческая поговорка. «Никому не советуй идти на войну, плыть по морю и

жениться» — это уже испанская народная мудрость. Сам Гёте, с обручением не торопившийся, сочинил вот что: «Жить в плену, в волшебной клетке, быть под башмачком кокетки, как позор такой снести? Ах, пусть, любовь, пусть!» Да и французский писатель Мишель Монтень сравнил супружество с клеткой: птицы, не сидящие в ней, всеми силами стремятся туда попасть, а те, что внутри нее, мечтают выбраться. Британец Роберт Стивенсон не видел в браке ничего, кроме «дружбы, признанной полицией». Но даже это выглядит более оптимистично, чем ирландская поговорка: «Хочешь, чтобы бранили, — женись; хочешь, чтобы хвалили, — умри!»

Несмотря на то, что глас народный и поэтический так не советуют вступать в брак, помолвленных не остановить: в странах Европейского сообщества каждый год два миллиона пар с влажными от волнения ладонями и дрожащими коленями направляются в мэрии и в церковь. Там на вопрос, согласны ли они стать мужем и женой, молодые сдавленными голосами произносят: «уи», «си», «я», «сим», «иес». После этого, став мужем и женой перед Богом, людьми и законом, счастливые молодые вступают в новую жизнь под звуки неизменного марша Феликса Мендельсона, звучащего от Плимута в Англии до португальского Порто.

Кроме мендельсоновских «таа-та-та-та-та-та», повсюду в европейских странах ритуалы бракосочетания сопровождаются еще и обязательной паникой. Корреспонденту «Штерна» пришлось побывать на свадьбах в 12 европейских странах, и повсюду было одно и то же: браки в любом случае заключались в обстановке, близкой к нервному срыву.

Складывается впечатление, что ну просто на каждой свадьбе в последний момент у невесты рвутся последние колготки, а ее родители вдруг принимают за ламы руки от ужасной мысли, что для гостей закуплено слишком мало шампанского, жениховские папы-мамы, хоть убей, не могут вспомнить, куда задевали ключи от машины, а сами женихи потеют так, будто сидят в сауне. Головы у женихов, точно так же как и у их будущих подруг жизни, просто чумовые, потому что накануне они или вместе праздновали свой последний «свободный» вечер, колотили посуду и танцевали до упаду или же куролесили отдельно друг от друга на последних холостяцких вечеринках. Столь же неизбежно в то чудное и краткое мгновение тишины перед произнесением молодыми слова «да» самый маленький кузен невесты надевает в штанишки и захнычет, а его сестрица спустя несколько минут опрокинет стакан сока на свое нарядное платье, в котором должна раз-

СВАДЕБНЫЕ СТРАДАНИЯ

(Шутливые заметки по материалам европейской печати)

брасывать цветы перед молодоженами.

Но все это чепуха по сравнению с теми препятствиями, которые порой приходится преодолевать будущим супругам на пути к друг другу и к своему счастью. Одна очаровательная невеста прибыла к своему жениху со страшным опозданием из-за того, что щели между булыжниками на площади перед церковью в бельгийском городе Ватерлоо были слишком глубокими, а каблучки ее свадебных туфель слишком острыми. А какой ужасный переполох в ирландской деревне вызвало отскочившее от нанятого «роллс-ройса» колесо! Жених и невеста так долго меняли это злосчастное колесо на ухабистой проселочной дороге, что мать невесты чуть не упала в обморок, а зевавшие от скуки в деревенской церкви родственники и друзья уже решили, что свадьба отменяется.

Подобные досадные происшествия — просто вода на мельницу команды незамужних престарелых тетюшек со стороны жениха и невесты. Они, обычно не выносящие друг друга, в такие дни становятся одной душой, одним сердцем, и вот уже из их сплоченных рядов доносится: «И с какой это стати Эрна вырядилась в белое платье! Ведь всем же известно, что никакая она не девственница, а уже три года живет со своим Мартином», или: «Господи, вы только посмотрите, какое платье на сестрице Мелины! Ужас! Уж лучше бы пришла просто в бикини. А мы ведь предупреждали! И в такую семью попадет наш лапочка!»

К атрибутам хорошей, солидной свадьбы непременно следует отнести фотографов и персонажей с видеокамерами, штурмующими церковный алтарь или ослепляющими фотовспышками служащего мессии так, что бедолага никак не может прочитать на брачном свидетельстве фамилии супругов.

И все-таки он настает, этот момент, когда заветное слово произнесено. Кстати, в Греции брак закрепляется каблуком: после того, как священник проговорит что-то вроде: «Жена да убоится мужа своего», новоиспеченная супруга, как когда-то ее бабушки и прабабушки, со всей силой наступает каблуком на ногу своему богом данному мужу. Это последний, прощальный акт сопротивления.

А после того как молодая пара поклялась быть вместе и в плохие, и в хорошие времена до той поры, когда смерть разлучит их, всеобщий стресс сменяется блаженным расположением духа, а поток слез смывает всю нервотрепку последних дней. Искренне, от всей души плачут матери главных действующих лиц, но громче всех, разумеется, рыдает команда тетюшек, хотя бы для того, чтобы не разучиться делать это. К счастью, звучные поцелуи заглушают их сморкания.

И пошло — поехало... От Кельна до Копенгагена, от Дублина до Севильи новобрачных обнимают, прижимают к груди, и в зависимости от обычаев страны каждый из гостей целует их один, два, а то и три раза.

Взлетают в воздух рисовые зерна, а в Греции молодоженов забрасывают миндалем и лепестками роз. «Да здравствуют молодожены!» — кричат французы и валлонцы, и все общество переходит к более спокойной и уютной части торжества. Все по порядку: сначала мораль, затем небольшой прием, и под конец просто обедаловка.

И если в Дании, Германии и Голландии гости довольствуются картофельным салатом, поданным на картонных тарелках, то кое-где угощение подается в несколько заходов, а застолье продолжается часами.

Но независимо от того, будет ли то картофель с майонезом или редкост-

ное блюдо со сложным названием, команда тетюшек — и это ясно с самого начала — ни за что не похвалит свадебный стол, зато со вздохами сожаления будет перешептываться о том, что на одной более приличной и более изысканной свадьбе не было куда более приличное и изысканное.

Но никто не обращает на них внимания, ведь и без того есть чем заняться: в Германии произносятся длинные, сопровождающиеся аплодисментами застольные речи; в Испании и Португалии перешептывают конвертики с денежными подарками; а на люксембургской свадьбе в действие включаются братья наши меньшие: старшая незамужняя сестра невесты получает в подарок перепуганного блеющего козленка, а молодая чета — маленького визжащего поросенка — «на счастье».

В Дании новобрачные плавно покачиваются в такт «вальсу невесты», в Голландии вся свадебная компания, выстроившись в цепочку, танцует стимулирующую пищеварение «польку», а в Австрии чета молодоженов красиво кружится в первом супружеском танце под звуки роскошного «Голубого Дуная» Иоганна Штрауса. И все окружены розовым облаком взаимного расположения и полного изнеможения.

Но вот, едва соединившись, молодые должны расстаться. Невеста разрешает себя похитить, а жениха бросают в бассейн или пруд, в то, что окажется рядом. В Португалии шуточки друзей жениха носят весьма пикантный и трудно описуемый характер...

А когда от танцев устанут даже туфли, когда взлетит в воздух букет невесты и когда уйдут самые последние гости, молодожены наконец-то... остаются с

Перевод С. К. САРАДЗЕ

УЙТИ В МОНАСТЫРЬ

Люди уходят в монастырь. Зачем? Что ищут они там? Что находят? На эти и другие вопросы французского журналиста Жан-Поля КАЙО отвечает настоятель Бек-Элюэна, одного из древнейших монастырей в Европе, аббат Филипп Обэн.

— Моя фамилия Обэн, зовут меня Жак, но впоследствии я принял монашеское имя Филипп. Родился я 14 августа 1940 года, я был пятым ребенком в семье, а после меня было еще пятеро.

— Сколько вам было лет, когда вы поступили в монастырь?

— Двадцать один год. Я стал монахом в 1961 году.

— Таким образом, ваша монашеская жизнь уже длиннее, чем мирская.

— Именно так.

— Вы сказали, что, поступив в монастырь, поменяли имя. Можно ли в этой связи говорить о своего рода раздвоении личности?

— На самом деле монашество дает личности самоопределение на религиозной основе, благодаря чему в дальнейшем все, что формирует человека — а каждый из нас остается человеком, — будет сориентировано, определено, развито в соответствии с идеей религиозной жизни, с духовными устремлениями. В этом смысле можно говорить, что в монастыре человеку открывается частица новой жизни. Монастырь — это школа служения Богу, в которой учат одновременно быть человеком.

— Значит ли это забыть свою прежнюю личность, прежнюю жизнь или новое «накладывается» на старое?

— Рано или поздно некоторые вещи обязательно забываются, уходят в так называемую сферу подсознательного. В монастыре, конечно, проявляется

этот феномен забвения отдельных событий или встреч. Но связь прошлого с настоящим и будущим остается непрерывной: это непрерывность Творения. Все прошлое должно быть, насколько возможно, осмыслено и принято нами в настоящей жизни, всегда открытой к будущему. Не только монаху — любому человеку следует избегать ощущения прерванности, даже если в жизни или в сознании действительно произошли большие перемены. Ведь остается одно лицо, один человек, который живет, действует, пробует обрести себя, найти себе место, проявить себя на жизненном пути и на духовном поприще.

— Так не существует монашеской «шизофрении»? Ведь очень многие считают, что монахи — люди не совсем нормальные, они-де не от мира сего.

— О, конечно, нет!.. И было бы очень опасно, если бы проявилось что-нибудь в этом роде. Но этот конкретный случай проходил бы, так сказать, по разряду иной «терапии»... Не той, которую предлагает монашество в качестве пути человеческого совершенствования.

Монашеская жизнь — это хорошая, человеческая жизнь, но она отличается тем, что организована, построена на очень глубоком чувстве — духовном стремлении.

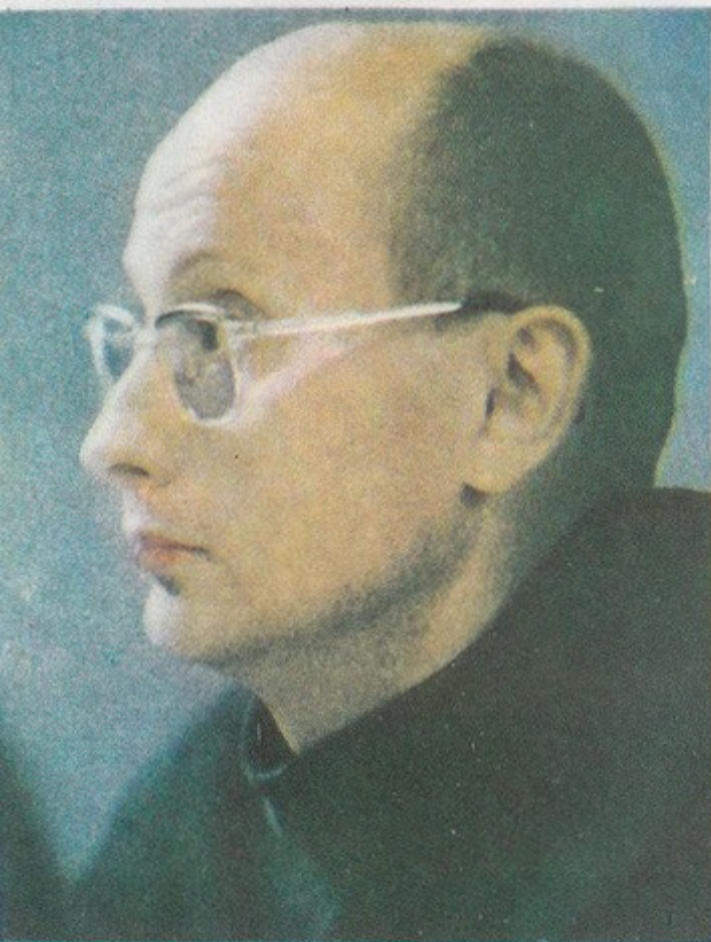
— В чем суть жизни в монастыре?

— Во-первых, если коротко, в неустанной заботе каждого, подчеркиваю, о каждом из братьев, поддержка их в поиске Бога, помощь им в установле-

нии связи между намерениями и результатом действий, слов, поступков. Вторых, сплочение людей, чтобы они еще больше становились братьями, чтобы люди в их повседневном существовании и своей жизнью доказывали возможность жить вместе в гармоническом единстве, взаимном согласии и братской любви!

— Не делает ли это повседневную жизнь в монастыре трудной?

— Нет, не думаю, чтобы повседневная жизнь была от этого труднее. Иной раз приходится сильно переживать за одного или за нескольких братьев. Причиной беспокойства является что-то важное для них или для всей общины. Проблема не выходит из головы, пока не уладится. Что ж, в этом смысле, да, бывает трудно.

Иное — духовная жизнь: это не такая нагрузка, которую оставляешь, ложаешься на ночь спать и к которой возвращаешься, просыпаясь утром, — жизнь в монастыре становится частью тебя самого, входит в личность, сливается с ней.

— Кстати, не могли бы вы нам рассказать как раз о послушнике Жаке Обэне? Хорошо ли вы себя помните в этом качестве?

— Я только что говорил о феномене забвения. Однако я хорошо помню, как был послушником.

Совершая свои первые шаги в монастыре, я поначалу чувствовал какую-то боль от одиночества, от разрыва с миром. Затем я очутился в некоем пустом внутреннем пространстве, где ощущалось, правда, довольно слабо, присутствие Бога. Я жил в вере, какая была мне дана, и знал, что желание стать монахом пришло от Бога, но не было особого энтузиазма и сказочной эйфории. Вскоре после этого ко мне пришло чувство по-

кинутости — это когда ты совсем один, со своей слабостью, неустойчивостью, ограниченностью... и перед тобою стена.

— Я хочу задать вам вопрос, который для мирян весьма важен. Сформулирую его так: давая обет целомудрия и отказываясь от того, что является содержанием этой человеческой любви, от сексуальной ее стороны, считали ли вы, что в этом предназначение человека?

— С самого начала не следовало бы сводить человеческую любовь к любви мужчины и женщины. Есть многочисленные формы человеческой любви. Есть чувство дружбы... Есть много уровней любви, которые бесконечно варьируются, и бесконечно меняется их, так сказать, распределение между людьми.

На самом деле мы, монахи, в своем опыте отказываемся лишь от одного, но вовсе не обязательного типа человеческой любви. И в целомудрии можно оставаться вполне уравновешенными мужчиной и женщиной. Сексуальная жизнь не есть чистый инстинкт, согласно которому, только соединяясь в пары, можно было бы считаться настоящим мужчиной и настоящей женщиной. Так что не следует абсолютизировать брачно-семейную форму человеческой любви. Она, конечно, преобладает, но не имеет абсолютного характера. Относительной ее делают те, у кого есть опыт безбрачия; но и этот опыт тоже, в свою очередь, относителен. Есть к чему взаимно прислушаться обладателям того и другого опыта. Можно нехорошо проявить себя как в брачно-семейной, так и в безбрачной жизни. Все зависит не от самой формы, а от того, как сочетается с ней данная личность. Увы, мы знаем, сколь нелегка семейная жизнь и сколь бывают супруги далеки от того, чтобы действительно состояться как мужчина и как женщина.

Разумеется, опыт целомудрия, решение жить в чистоте, без сексуального общения с противоположным полом, накладывает отпечаток на тело, на душу, на сердце. Ведь в опыте сексуальной, в хорошем смысле слова эротической, любви есть ощущение полного вознаграждения, есть переживания удовольствия, радости, слияния. Это очень богатый и насыщенный символический, чрез-

вычайно красивый, если правильно им пользоваться, язык общения людей. И вот от всей этой возможной перспективы мы отказываемся, и у нас есть определенный риск неудачи. Также важно в период подготовки к постригу правильно оценить настроение послушника — не слишком ли он озабочен тем, что из его общения с миром исключается язык любви, который ему нужен на соответствующем уровне отношений с женщиной.

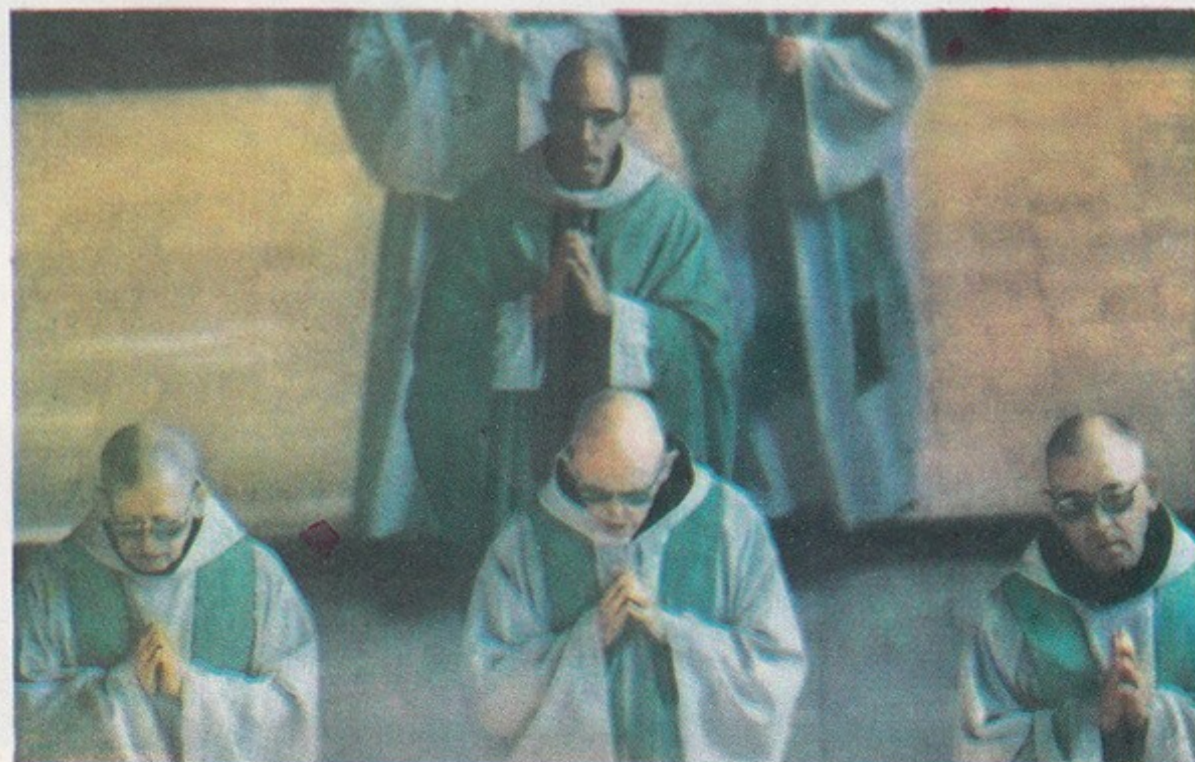
В нашем личном опыте могут быть периоды, когда в отношении сексуальных импульсов, эротического мечтания и воображения все вполне спокойно. Потом неизвестно, по каким причинам это может возникнуть снова в таком-то возрасте или после такого-то события; опять появится что-то, что нужно будет контролировать, ставить на место. Так что здесь нет стабильности, благоустроенности, налаженности раз и навсегда. Это также варьируется в зависимости от личности. У некоторых монахов очень мало внутренней борьбы в этой области, зато много сложностей в области духовной гордыни или желания власти над другими людьми — скрытого или явного. У нас не у всех одни и те же слабости и соблазны... Впрочем, я, кажется, отклоняюсь от темы?..

— Нет, нет, несколько.

— Все это говорит о том, что здесь мы получаем от Бога дар, который нужно включить в историю человеческой жизни со всеми ее противоречиями и конфликтами, иногда неудачами, иногда отступлениями, иногда продвижениями вперед. Все это заставляет исполниться великого смирения.

Мы не супермены, и у нас нет тотального «самоконтроля» в той области, о которой мы сейчас говорим. Если нас впечатляет красота и обаяние женщины, это само по себе не значит, что надо терять голову: ведь это нормальное человеческое чувство, которому мы все подвержены. И надо не казнить себя, а держать себя в руках, попытаться найти этому чувству место в нашей жизненной программе...

Перевел с французского
П. ПОНОМАРЕВ

ROBERT PLANT

М «MAGAZINE» («Магазин»), группа «Журнал» образовалась в 1978 г. в Великобритании. Исходный состав: Ховард Девото — вок.; Джон МакГиох — гит., сакс.; Дэйв Формьюла — клав.; Барри Адамсон — бас; Мартин Джексон — уд.

Гр. «М.» была образована Девото, возглавлявшим до этого (с Питером Шелли) влиятельную манчестерскую панк-группу «Buzzcocks». «М.» сразу же стала ударной силой британского «психоделического возрождения».

Заявив о себе хит-синглом «Shot By Both Sides» («Застрелен с обеих сторон»), гр. выпустила ставший теперь «классическим» первый альб. — критики оценили прежде всего незаурядное поэтическое дарование Девото, певца «любви и ненависти, вдохновения и мистики».

«Готика» расцвела на второй пластинке; «М.» упрекнули за измену панк-идеалам, мелодраматизм и монотонность и нарекли «Пинк Флойд» для бедных.

Записав третий, приглашенный и компромиссный диск, «М.» прекратила свое существование (после распада группы вышел еще один порядковый альб.).

МакГиох, поработав несколько месяцев в «Visage», ушел в «Siouxsie & The Banshees»; здесь же оказались Формьюла и Адамсон, вернувшиеся затем к своему лидеру под вывеску «Ховард Девото».

В 1986 г. МакГиох вместе с мультиинструменталистом Ноко организовал группу «Luxuria»: дуэт записал альбомы «Unanswerable Lust», 1988, и «Beast Box», 1990 (последний вместе с Формьюлой, который был и продюсером пл.). Затем, после распада группы «Armoury Show» (созданной МакГиохом и Эдди Джобсоном, экс-«Roxu Music», «Curved Air»), он присоединился к Киду Конго («Gun Club») и его группе, составленной из участников «Cocteau Twins» и «Colourbox».

Пл.: Real Life, 1978; Secondhand Daylight, 1979; The Correct Use Of Soap, 1980; Sweetheart Contract, 1980 (EP); Play, 1980 (Live LP); Magic, Murder And The Weather, 1981 (сборник); After the Fact, 1982 (сборник).

Изменения состава: 1978 — Мартин Джексон, + Джон Дойл; 1979 — Джон МакГиох, + Робин Саймон.

«MAGMA». Группа «Магма» образовалась в 1969 г. во Франции.

Исходный состав: Кристиан Вандер, уд., вок., клав.; Клаус Бласкиз, вок., уд.; Тедди Лэсри, духовые; Луи Саркиссиан, сакс.; Клод Анжель, гит., вок.; Франсуа Моз, бас; Франсуа Коэн, клав.; Стили Вандер, вок.

«М.» не только единственная французская группа, работающая в редкой манере арт-рокового модерна, но, по-видимому, и единственная в мире, создавшая свой собственный язык, а именно — кобайский. Планету Кобаяя придумал лидер «М.» Кристиан Вандер — начиная со второго альб. все композиции исполняются на кобайском языке, а музыканты свободно объясняются на нем между собой в быту.

Барабанщик-виртуоз К. Вандер получил великолепную профессиональную подготовку в школе-студии известного джазового ударника Элвина Джонса. Впоследствии Вандер в равной степени увлекался современной классической музыкой (Штокхаузен, Стравинский, Барток) и модерновым джазом (Джон Колтрейн, Сан Ра). Для «М.» он писал сложные полиритмические композиции-сюиты, которые составляли ядро концептуальных альб., посвященных контактам с внеземными цивилизациями, галактическим войнам и концу света.

Интенсивные турне «М.» по Европе (обычно в сопровождении группы «Гонг») принесли музыкантам популярность в кругах «золотой молодежи», однако доходы гр. были столь незначительны, что во время гастролей музыканты обычно останавливались на квартирах своих поклонников. Несмотря на всю эксцентричность и «странность» музыки, гр. очень популярна в США, где пл. «М.» издаются практически одновременно с французскими оригиналами.

В настоящее время «М.» почти не дают концертов, уделяя основное внимание студийной работе.

Пл.: Magma (Kobaïa), 1970 (2LP); 1001 Degrees Centigrade,

1971; Mekanik Destruktiw Kommandoh, 1973; Köhntarkosz, 1974; Live, 1975 (2LP — Live); Udu Wudu, 1976; Inèdits, 1977; Attahk, 1978; Retrospective, Vol. 1+2, 1981 (2LP — сборник); Retrospective, Vol. 3, 1981 (сборник); Merci, 1985; Mythes Et Légends, Vol. 1, 1986 (сборник); Offerings, 1986; Offering, 1988 (2LP).

Изменения состава: 1972 — Анжель, + Кабрель Федерон, гит.; 1974 — Саркиссиан, + Джефф Сеффер, сакс.; 1977 + Дидье Локвуд, скрипка, + Жан-Поль Асселин, клав.; 1982; Федерон, + Клод Олмос, гит.

«MAGNUM». Группа «Магнум» (марка полицейского пистолета) образовалась в 1976 г. в Великобритании.

Исходный состав: Боб Кэтти, вок., гит.; Тони Кларкин, гит., вок.; Ричард Бейли, клав., флейта, вок.; Кекс Гоурин, уд.; Уэлли Лауи, бас, вок.

Организовали «М.» Б. Кэтти и Т. Кларкин. В 1977 г. «М» дебютировал с альб. «Царство безумия». Из-за чрезмерной зааранжированности композиций диск не пользовался популярностью, хотя муз. обозреватели отметили высокий профессиональный уровень (тогда же «М.» открывали концерты «Judas Priest»).

В 1979 г. «М.» выпустили второй альб., который — успехом у слушателей также не пользовался. Ситуация изменилась с выходом третьего — концертного — диска, подчеркнувшего, что главное достоинство «М.» — безукоризненный «живой» саунд. Начиная с этого момента «М.» уже официально признают участниками «новой волны британского хэви метал-рока», хотя группа стартовала чуть раньше.

В 1981 г. в группе произошла смена клавишника, и с вошедшим в состав Марком Стэнгуэем «М.» записала один из самых сильных дисков — «Погоня за драконом», который занял 22-е место в англ. хит-параде. Однако следующая пл. — «Одиннадцатый час» — оказалась настолько неудачной, что фирма грамзаписи расторгла контракт с группой, и... «М.» наконец-то вышла на мировой рынок АОР-рока: выпущенный в 1985 г. альб. «Ночь, когда приходит сказочник» (фирма «ФМ/Революция») ознаменовал коммерческий

РЭР вне очереди

«Флитвуд Мэк», уже получившие достойное освещение в «РЭР», вновь требуют к себе внимания — назовем этот прецедент «РЭР совсем вне очереди»!

С выходом нового альбома «Behind The Mask» («Под маской») эта английская группа, чей пик популярности, казалось, миновал уже лет десять назад, стремительно ворвалась в верхние строки хит-парадов и, похоже, намерена обосноваться там надолго.

В чем дело? Изменился состав? Пришли новые музыканты, определившие иную музыкальную стилистику? Ничего подобного! Просто «Флитвуд Мэк», видимо, вспомнили, что они — супергруппа. И записали альбом, достойный своей высокой, хотя уже и поблекшей, репутации. Одним словом, сняли маску, изображавшую поповскую серость.

Новый диск выполнен в манере знаменитого мегаселлера 1979 года «Tusk», только мелодические решения здесь абсолютно непредсказуемы, а тексты песен просто великолепны. А что еще можно требовать от пластинки? И хоть музыкантам уже «хорошо» за сорок, по музыке этого не скажешь.

FLEETWOOD MAC

прорыв «М.» (композиция «Just Like An Arrow» в течение года не выходила из «горячей десятки» муз. радиостанций).

Последовавшие затем изменения состава не оказали влияния на творческую концепцию группы, хотя вышедший в 1986 г. альб. «Бдительность» (продюсер и соавтор композиций — Роджер Тейлор из «Куин») получился откровенно коммерческим.

Последний альб. «М.» «Спокойной ночи, Лос-Анджелес» окончательно закрепил за «М.» репутацию одной из наиболее стабильных и профессиональных групп тяжелого АОР-рока.

Пл.: Kingdom Of Madness, 1978; Magnum II, 1979; Marauder, 1980 (Live LP); Chase The Dragon, 1982; The Eleventh Hour, 1983; Anthology, 1984 (сборник); On A Storyteller's Night, 1985; Night Riding, 1985 (сборник); Vigilante, 1986; Vintage Magnum, 1987 (сборник); Wings Of Heaven, 1988; Mirador, 1989 (сборник); Goodnight L.A., 1990.

Изменения состава: 1981 — Бейли, + Марк Стэнзуэй, клав.; 1983 — Гоурин, — Стэнзуэй, + Джим Симпсон, уд., + Эдди Джордж, клав.; 1984 — Джордж, + Стэнзуэй; 1985 — Симпсон, + Мики Баркер, уд.

«MAHOGANY RUSH» («Мэхочэни раш»), группа «Красный камыш» образовалась в 1971 г. в Канаде.

Состав: Фрэнк Марино, гит., вок.; Пол Харвуд, бас; Джими Эйоб, уд.

История создания «М.р.» не менее интересна, чем музыка этого хард-рокового трио: когда подросток Ф. Марино после автомобильной аварии попал в больницу, его «посетил дух Джими Хендрикса и дал серию уроков игры на гитаре». Выписавшись из больницы, Марино, до того не прикасавшийся к гитаре, сразу же заиграл в манере, близкой как к великому Джими, так и к Джерри Гарсиа. После этого трудно спорить с поклонниками спиритизма!

Подобрав бас-гитариста и барабанщика, Марино приступил к записи дебютного альб., который вышел на крохотной монреальской фирме грамзаписи «Котэ», — это была работа солидного мастера гитары. Группа Марино не признавала никаких компромиссов и исполняла мощный хард-рок, построенный на структурах позднего «белого блюза».

Однако во время работы над вторым диском «М.р.» резко сменили ориентацию и разнообразили композиции элементами джаз-рока, при этом гитара Марино приобрела звучание, несколько напоминавшее «фирменный знак» Алана Холсуор-

та; особое внимание здесь уделялось и текстам песен. Несмотря на явный музыкальный прогресс, критики отнеслись к эксперименту «М.р.» прохладно, и повторился «феномен «Грэнд-фанк рейлроуд»: с точки зрения слушателей группа не имела равных, и гастроль «М.р.» неизменно собирала полные стадионы, музыкальные же обозреватели находили все новые и новые аргументы в поддержку своего негативного отношения.

К концу 70-х гг. стиль «М.р.» почти не изменился, чему в немалой степени способствовала стабильность состава исполнителей, однако именно неизменность творческой концепции начала охлаждать восторг поклонников, которые в соответствии с духом времени заинтересовались «более непредсказуемыми группами». И тем не менее самые сильные альб. «М.р.» приписались на конец 70-х — начало 80-х гг. — концертная запись 1978 г., «Власть рок-н-ролла», 1981, и «Джаггер-нот», 1982.

Парадоксально, но, как только критики сменили гнев на милость, «М.р.» распались: группа выполнила главную задачу — оправдала любовь слушателей, служить еще одним аргументом в споре критиков у музыкантов не было желания.

После четырехлетнего молчания Ф. Марино выпустил первый сольный альб. «Замкнутый круг» (1986), заметно отличающийся от всего того, что он делал в составе «М.р.»: прежде всего эта пл. — коммерческий АОР.

Более удачным оказался второй сольный диск «Дешевая мексиканская водка», вышедший весной 1989 г.: это крепкая блюзовая пл., гитарист демонстрирует весь арсенал технических приемов, от фламенко до слэпа, есть очень интересные аранжировки, в частности версия «Schoolgirl» из репертуара Джонни Уинтера.

Пл.: Maxoom, 1971; Child Of The Novelty, 1973; Strange Universe, 1975; Mahogany Rush IV, 1976; World Anthem, 1977; Mahogany Rush Live, 1977 (Live LP); Tales Of The Unexpected, 1979; What's Next, 1980; The Power Of Rock'n' Roll, 1981; Juggernaut, 1982.

Фрэнк Марино соло: Full Circle, 1986; Cheap Tequila, 1989.

«MALICE» («Мэлис»), группа «Злоба» образовалась в 1981 году в Лос-Анджелесе, США.

Исходный состав: Джей Рейнольдс, гит.; Мик Зейн, гит.; Пит Лауфмани, уд.; Джеймс Нил, вок.; Марк Бен, бас.

Решив организовать гр., Рейнольдс пригласил двоих музыкантов из Портленда, Зейна и Лауфманна, и они приступили к записи двух вещей для ставшего впоследствии легендарным сборника калифорнийских групп «Metal Massacre I». С приходом Нила и Бена группа полностью укомплектовалась. Но когда дело дошло до сдачи продукции, среди музыкантов начались разногласия, вызванные финансовыми неурядицами, и «М.» распалась, предоставив, однако, свои записи составителю сборника Брайану Слэгелю.

Сборник вышел в августе следующего года, и две песни «М.» получили признание. Ободренный таким поворотом событий, Рейнольдс воссоздает группу. Состав коллектива остался неизменным, за исключением барабанщика, чье место в 1983 году занял Клиффорд Карозерс (экс-«Snow»). Активная гастрольная деятельность (в том числе совместные концерты с «Металликой») создала «М.» отличную репутацию, и в середине 1984 г. фирма «Этлэнтик» подписала с квинтетом контракт.

Дебютная пластинка, появившаяся в 1985 году, произвела впечатление не только на амер., но и на европ. хэви-метал-фэнов. Вслед за трехнедельным североамериканским турне вместе с «AC/DC» последовали успешные европ. концерты в начале 1986 года. Динамичный пауэр-метал «М.» вполне отвечал высоким стандартам мирового тяжелого рока, и неудивительно, что второго альбома все ждали с нетерпением. Работа над пл. продолжалась почти восемнадцать месяцев, и вошедший в нее материал оказался еще более динамичным; в записи принимали участие музыканты таких известных групп, как «Black'n'Blue» и «Megadeth».

Альбом «License To Kill» очень неплохо «пошел», но, к сожалению, закрепить успех не удалось — в сентябре 1987 г. Рейнольдс и Нил ушли из «М.», что, по существу, означало конец группы. Позднее Рейнольдс был одним из кандидатов на место гитариста в «Мегадет», но здесь ему повезло меньше — назначение не состоялось.

Пл.: In The Beginning, 1985; License To Kill, 1987.

Изменения состава: 1982 — Лауфмани; 1983 + Клиффорд Карозерс, уд.

В доисторические времена, то есть еще пять лет назад, спортивные туфли, которые называли теннисками или кроссовками, были довольно простым предметом: толстая каучуковая подошва и полотняный верх. Когда они приходили в негодность, их заменяли на другие. Цена всей операции — 10 долларов.

Сегодня пара кроссовок для настоящих спортсменов почти не уступает по сложности космическому кораблю, да и по цене тоже, если брать ее по отношению к весу. Фирмы по производству кроссовок, такие, как «Найк» и «Рибок», вкладывают в разработку новых материалов для подошвы этих «ботинок» почти столько же денег, сколько тратят фармацевтические лаборатории на поиски вакцины против СПИДа. Среди последних изобретений, которые должны были бы принести их создателям Нобелевскую премию за обувь, можно назвать кроссовки типа: «Crosstraining», «Energy Return System», «Y-Bar», «Energair». И конечно, гениальное изобретение лабораторий «Найк», мирового лидера по выпуску кроссовок (годовой оборот 1,7 миллиарда долларов) — «зримый воздух», который принес фирме целое состояние: в подошве сделан «воздушный карман», так что создается впечатление, будто видишь ее в поперечном разрезе. Кроме того, если раньше выбор ограничивался в лучшем случае тремя цветами, то и в этом плане все сильно изменилось. «Рибок» предлагает 175 моделей 450 расцветок и форм. У «Найк» дела обстоят еще лучше: она производит обувь для 24 видов спорта, в общей сложности 300 моделей и 900 разновидностей каждой модели.

И вдруг это обилие в материалах и моделях захлестнуло маленький мирок подростков. В США это стало больше чем мода — настоящее безумие. 10 миллиардов долларов потрачены американцами на кроссовки в прошлом году, почти все из кармана тинэйджеров. Но это вовсе не значит, что они стали больше заниматься спортом: 80 процентов этой обуви никогда не видели ни теннисного корта, ни баскетбольной площадки, ни гимнастического зала. Нет, теперь у них другое назначение: выражать определенное «отношение», задавать «стиль», другими словами — «выпендриваться». Да и называются они теперь не кроссовки, а баскететы.

Для тинэйджеров, особенно из черных гетто, баскететы — это не просто обувь, а самый важный отличительный признак. «Подростки не могут купить себе БМВ, — говорит Джон Морган, руководитель отдела маркетинга фирмы «Рибок», — и свое понятие о моде они выражают ногами». А Джон Лео, который изучал этот вопрос по заданию американского еженедельника «ЮС Ньюс энд Уорлд Репорт», объясняет: «Для некоторых слоев населения показателем благосостояния яв-

«КРОСССОМАНИЯ»

За прошлый год в Америке было продано 389 миллионов пар спортивной обуви! Подхлестываемая рекламой и новейшей технологией, «кроссомания» свирепствует среди подростков, особенно в гетто.

ляется яхта. В гетто задают стиль баскететы. И подростки так же заботятся о своей обуви, как другие о машине».

Баскететы «высокого класса» стоят очень дорого: у «Найк» и «Рибок» цена на них приближается к 200 долларам. Самая модная и прибыльная модель «Найк «Эйр Джордан», названная так в честь суперзвезды американского баскетбола (с прозрачной подошвой, с бороздками, обеспечивающими большую гибкость, и с V-образным рисунком), стоит около 150 долларов. Но это покупателей не отпугнуло: как только они появились, было продано рекордное количество в миллион пар, и спрос на них не падает. Новинка «Рибок» модель «Памп» — еще одно сумасбродство, с маленьким насосом в форме шара, который вшит в язычок и выбрасывает воздух в подошву, создавая при этом дополнительный комфорт, — бешено раскупается, несмотря на цену в 170 долларов.

Но иметь шикарные баскететы еще недостаточно. По правилам, принятым у тинэйджеров, нужно, чтобы они были безупречны. Один из героев романа Тома Вулфа «Костер тщеславия» покупает каждую неделю новую пару туфель, потому что они должны быть абсолютно чистыми. Эта деталь — не выдумка писателя. Поль Палладино, владелец магазина в Бостоне, который продает 30 000 пар баскететов в год, утверждает, что в среднем подростки покупают каждые 2 недели новую пару обуви. «Мало того, что они должны быть идеально чистыми, они еще должны соответствовать костюму», — говорит Палладино. По цене в 170 долларов за пару это составляет 5000 долларов в год, то есть соответствует годовой плате за обучение в университете.

Отбор «по ногам» начинается с младших классов. Директор лицея в

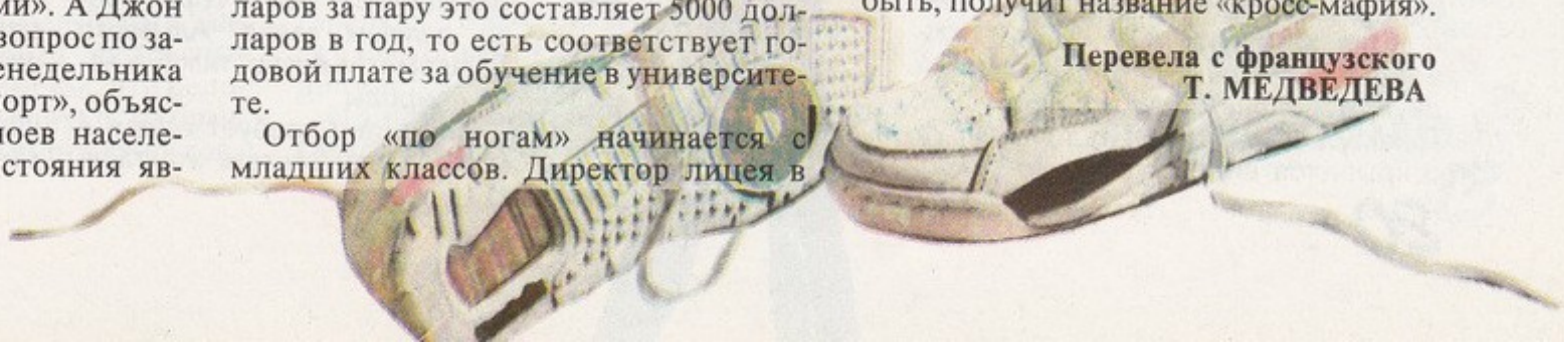
Жан-Себастьян СТЕЛИ,
французский журналист

Нью-Йорке рассказывает, что некоторое время назад он стал получать поток записок с просьбой об освобождении от занятий физкультурой. «Я заинтересовался, почему вдруг такое количество ребят пропускают урок. Они мне ответили, что стесняются своих кроссовок».

Из коммерческого феномена баскететы превратились в предмет национальных дебатов. Фирмы обвиняются в том, что они подталкивают подростков к торговле наркотиками, для них это одна из немногих возможностей покупать кроссовки за 200 долларов. «Для «Найк» главное — конечный результат, а это свинство, так как каждые полгода она меняет цвета и формы, вынуждая ребят покупать себе новую обувь, — утверждает все тот же директор. — Когда продают спортивной обуви на 1,7 миллиарда долларов, то непременно часть денег поступает от продажи наркотиков».

В больших городах — таких, как Чикаго или Детройт, — полиция ввела новую графу в статистике преступлений, чтобы учитывать подростков, убитых или раненых за пару баскететов. Эта проблема стала настолько серьезной, что в школах Детройта запретили появляться в дорогих баскететах. В некоторых школах пошли еще дальше: там возвращаются к единой форме, чтобы истребить «выпендрей», который может привести к смерти. Дискуссия стала настолько острой, что был организован специальный симпозиум для спортивных журналистов и представителей фирм, чтобы обсудить проблему, которая может быть, получит название «кросс-мафия».

Перевела с французского
Т. МЕДВЕДЕВА

СКУЛЬПТОР ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА

Алла ГРАЧЕВА

Он создал необычные скульптуры, покрытые сгустками странного вещества, похожего на расплавленную лаву, — печальные силуэты, бредущие в пустоте окружающего мира. Вытянутые фигуры людей или животных скорее напоминают не статуи, а идолов неизвестной религии, пришельцев из империи одиночества.

Одному из самых оригинальных творцов XX века, швейцарскому скульптору Альберто Джакометти удалось материализовать одиночество человека, открыть эту никем не исследованную пустыню. Его персонажи, словно сошедшие со страниц произведений Сартра и Камю, посторонние среди людей, отправившиеся в путешествие, из которого нет возврата. Им негде укрыться и отдохнуть, и они застыли перед лицом вечности.

Династии художников — а их найдется немало в истории искусств, от Брейгеля до Тьеполо, — в XX веке стали редкостью. Французские живописцы Марсель Дюшан и его братья, шотландские эмигранты в Америке скульпторы Александр Колдер и его отец, и, наконец, семья Джакометти: Джованни Джакометти — отец и его кузен Аугусто — художники, Альберто — скульптор и его брат Диего — декоратор. На выставке в Барселоне в 1987 году, посвященной творчеству этого семейного квартета, висела огромная фотография швейцарского местечка Стампа, колыбели всех Джакометти. Самый знаменитый из них, Альберто, родился здесь в первый год XX столетия.

Гений — дар природы является миру в любом уголке, но место его рождения, сам дух местности может объяснить, почему он появился именно там. Какая же магия, какое очарование сделало деревушку Стампа на границе с Италией, где жизнь немногочисленных жителей испокон века освещалась традициями и была замкнута кругом повседневных забот, родиной двух поколений художников Джакометти? Из окон их дома открывался вид на узкую до-

лину, на селение, «овечьим стадом» сбегавшее с крутых склонов — живописный альпийский пейзаж в духе Сегантини. Кстати, Джакометти-отец, довольно известный художник — постимпрессионист, был одно время помощником, а впоследствии другом знаменитого итальянского мастера.

Гребни скал на горизонте, лесистые склоны горного по-

тока, яблоневый сад вокруг родительского дома, мастерская отца, человека весьма образованного, любителя путешествий — вот идиллия, в которой рос Альберто, старший из четырех сыновей Джакометти. Сюда, в эти стены, украшенные репродукциями Сезанна, Ван Гога, Сера, Матисса, неизменно возвращался уже ставший известным скульптором Альберто, как скиталец, не имеющий пристанища. По существу, так оно и было. Всю жизнь домом ему служила запущенная мастерская на Монпарнасе, такая маленькая и нищая, что не устроила бы даже студента художественной студии. Джакометти был безразличен к быту и никогда не сетовал на неудобства. Став богатым и знаменитым, он упорно не желал менять свое жалкое жилище и отказывался даже от такой «роскоши», как водопровод и горячая вода.

Вторая родина Альберто — Париж, с неповторимым очарованием Латинского квартала, с Лувром, Сфинксом и куполом Ротонды, с бесчисленными кафе, где за столиками ведут нескончаемые разговоры непризнанные гении. Здесь он встретил друзей, с кем прошел все испытания судьбы и кого впоследствии запечатлел на своих полотнах: Матисса, Бракка, Стравинского, Сартра.

Самым верным другом был младший брат Диего. В 13 лет Альберто вылепил его бюст. Они были неразлучны с тех пор, как отец изобразил их на полотне 1904 года — двух малышей, золотоволосых импрессионистских ангелов с круглыми голыми коленками. Натурщик и незаменимый помощник, Диего подчинил Альберто всю жизнь вплоть до полного забвения самого себя. Только на выставке в Барселоне он предстал перед удивленной публикой как вполне самостоятельный художник.

Братьев разлучила лишь смерть Альберто в 1966 году. Верный Диего похоронил его на родине, установив надгробный памятник — одну из скульптур мастера. Там, в горах среди далеких звезд, Альберто Джакометти возвратился в лоно природы.

Искусство требует одержимости. Если считать это глав-

ным признаком призвания, то Альберто на роду было написано стать художником. Ребенком он часами лепил, заставляя всех в доме подолгу позировать ему, и в этом сделался настоящим маленьким тираном. Но если Альберто не щадил других ради искусства, еще менее он заботился о самом себе. Всю жизнь он работал неистово, доводя себя до полного изнеможения. Спустя много лет его друг Мишель Лейрис так охарактеризовал «метод» Джакометти: «Создать, улучшить, разрушить, сделать заново, вновь улучшить, вновь разрушить...» Сам скульптор признавался: его идеалом было «всю жизнь проработать над несколькими скульптурами, продираясь, приближаясь к сути». Иногда казалось, еще минута — и он у цели, но тут же понимал тщету своих усилий. Этот бесконечный путь к сути вещей, удаляющейся подобно горизонту! Не за ней ли отправил Джакометти своих персонажей, вечных странников?

Путешествие лежало в начале и его собственного пути в искусство. В 1920 году отец взял юношу с собой в Италию на XIV Биеннале в Венеции. Здесь, в этой стране-музее, Альберто, окончивший школу художеств и ремесел в Женеве, открыл для себя великих мастеров, перед которыми преклонялся: неистового Джотто и романтического Чимабуэ, Тинторетто, о котором говорили: чтобы написать так розовый цвет, надо много перестрадать. Джакометти увидел мозаики Сан-Марко, стены Колизея, мощные, как кости мамонта, он бродил по развалинам Помпеи. Музеи, церкви, соборы, опера — в вихре впечатлений происходило становление его личности.

В 1922 году Альберто вместе с Диего отправился покорять Париж, элегантный, заносчивый, осаждаемый талантами со всего мира. Братство людей искусства было важнее карьеры, денег, благополучия. Джа-

кометти зарабатывали себе на хлеб, изготавливая, как ремесленники их деревушки, мебель, подсвечники, вазы, напольные часы. Спустя полвека критики не могли решить, отнести ли эти оригинальные вещи к предметам быта или произведениям искусства. Альберто делал также эскизы ювелирных украшений для знаменитой фирмы Скиапарелли.

Первым его учителем в Париже стал русский скульптор Александр Архипенко, изобретатель таинственных пустот в скульптурах, показавший, что они тоже имеют форму и придают легкость изваяниям. Три года Джакометти учился на курсах у Антуана Бурделя, одного из трех скульпторов-мушкетеров — Майоль, Бурдель, Деспю, — бросивших вызов безраздельному господству Родена.

То было время повального увлечения африканским искусством. Скульптуры Джакомет-

ти по африканским мотивам воздвигнуты в пространстве как символы вечности — законченные, совершенные, чуждые земной суеты. Африканская скульптура, считал он, реалистичнее римских бюстов.

Кубизм, абстракция, сюрреализм — вот ступени, по которым Джакометти поднимался к своей вершине, к своему стилю, легкоузнаваемому, не похожему ни на что другое. «Как только я понял механизм абстрактной композиции, она меня больше не интересовала», — записал он в дневнике.

Увлечение сюрреализмом длилось дольше. Пытаясь выразить в скульптурных формах свои видения, Джакометти создал сборные конструкции, движущиеся в пространстве. Так, «Время следов» (1930 г.), по словам автора — «подвижный и безмолвный сюрреалистический объект»: подвешенный шарик касается поверхности, изогнутой в форме полумесяца. За ним последовали другие объекты, например, «Женщина-ложка». В это время художник сотрудничал в журнале «Сюрреализм на службе революции», выставлялся вместе с Дали, Миро, Танги, Эрнстом. Однако пути их разошлись. В 1935 году Джакометти в поисках нового художественного языка возобновил этюды с натуры. Это было вызовом принципам сюрреализма, признающим лишь отражение подсознания. Андре Бретон, вождь сюрреалистов, изгнал его из группы.

Джакометти не был скульптором, который иногда рисовал, или художником, отдававшим дань ваянию, — он был в равной степени и тем и другим. Точно так же его рисунки и эскизы никогда не были набросками к скульптуре, а являлись самостоятельным жанром. Прекрасные страницы блокнота, заполненные быстрой рукой мастера, — следы его поисков. Он писал все, что попадало в поле зрения, что ухватывал его взгляд, никогда специально не выбиравший ни поз, ни сюжетов. Группы предметов, расположенных случайно, но исследованных столь тщательно, словно Джакометти искал то, что за ними скрывается.

Его полотна, выдержанные в изысканных черных, серых, охристых тонах, очень напоминают его скульптуры — те же удлиненные фигуры, головы на хрупких шеях. Художник признавался, что пытался оживить палитру, но во время работы все другие тона устранились

как бы сами собой. Быть может, поэтому Сартр заметил: «Лиричный в скульптуре, в живописи Джакометти делается бесстрастным».

Едва ли неистовый Альберто мог хоть в чем-то быть бесстрастным. Он начинал лепить очередную голову, бросал, не закончив, часто уничтожал. Работал ли он в кубистической манере или изобретал сюрреалистические объекты, Джакометти, как и далекой звезде, всегда стремился к реальности. Он искал новые пути ее отображения. «Я не бываю уверен в точности моего видения до тех пор, пока не увижу это лицо или этот предмет на холсте или в скульптуре. Но пока я переносу увиденное на холст или воплощаю в глину, само мое видение изменяется». В стремлении избавиться от завысы, стоящей между реальностью и восприятием, и проходила его жизнь, скупая на события и приключения, — между всплесками надежды и долгими периодами неверия и отчаяния.

Первый успех пришел неожиданно — каприз судьбы, улыбнувшейся обаятельному Альберто. Джакометти вообще был на редкость застенчив, рассеян, погружен в себя. Не высокий, всегда небрежно одетый, он выглядел старше своих лет.

Настоящая слава пришла к нему гораздо позже: самая престижная премия по скульптуре на XXXI Биеннале в Венеции в 1964 году, Гран-при фондов Карнеги и Гугенхайм. Рассказывают, что умирающий Матисс именно Джакометти просил сделать его посмертный портрет. К славе вела дорога длиной в двадцать лет.

«Ничто никогда не бывает законченным, — любил повторять скульптор. — Совершенство — иллюзия». В сущности, все его творчество и было лихорадочной погоней за ним. «Работаю столько лет, — сокрушался Джакометти, — и ничего не удалось сделать... Это сложный узел, который, похоже, мне так и не удастся никогда развязать». Он любил слово «никогда».

Вечно недовольный собой, он жил надеждой, увлекаемый вперед интуицией и бешеным желанием достичь цели. «В течение 20 лет я верил, что на следующей неделе смогу сделать то, что хочу». В этой постоянной борьбе художник несомненно получал больше удовлетворения, чем в тщеславной уверенности, что чего-то достиг.

Перерывы в работе были для

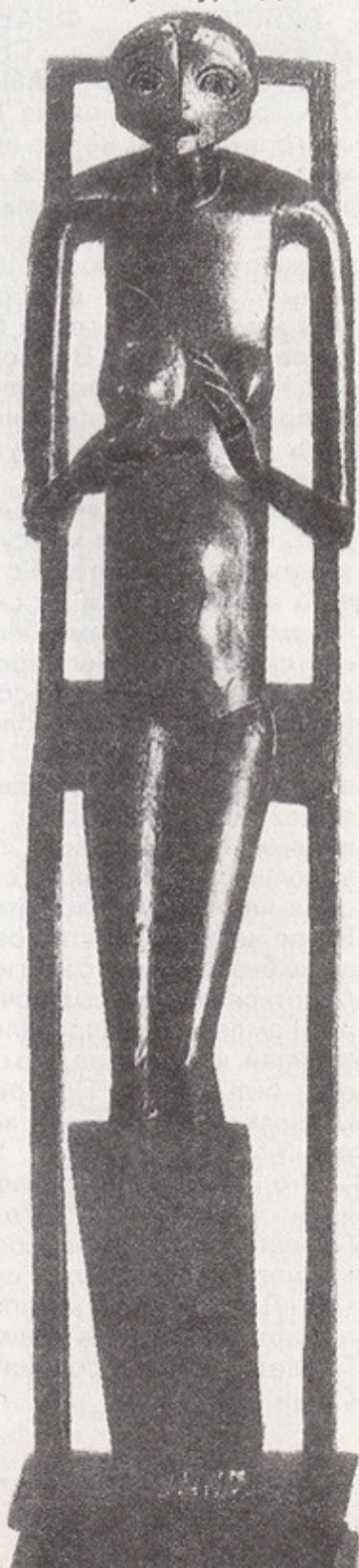
него истинным несчастьем — иногда в прямом смысле слова. Так случилось, когда в 1939 году его сбила автомашина и он провел многие месяцы в госпитале, лишь случайно избежал ампутации ноги, но остался хромым.

Во время второй мировой войны Джакометти поселился в отеле старого квартала Женевы, писал рассказы, оформлял журнал. Но долго ли он мог прожить без своей скульптуры? Она буквально ворвалась в дверь его маленького номера. С ним стали происходить странные вещи. Его новые творения, кажется, помимо воли самого создателя уменьшались в размерах: миниатюрные фигурки с булавочными головками грозили рассыпаться от прикосновения резца. Приглашенный на Национальную выставку Швейцарии, скульптор явился с крошечным изваянием высотой в два дюйма. Когда после войны Джакометти вернулся в Париж, друзья шутили, что весь свой швейцарский период он везет в шести спичечных коробках.

Затем произошло новое превращение: скульптуры стали столь же безудержно расти. Неестественно высокие, худые и узкие, на удлинённых ногах, совсем близкие и недоступные, стоящие у вас перед глазами и словно отсутствующие, внутренне напряженные, замкнутые в своем молчании.

Жан Кокто писал: «Скульптуры Джакометти столь материальны и вместе с тем невесомы, что на ум приходит сравнение с отпечатками птичьих лапок на снегу». Они окружены зияющей пустотой. Это острое ощущение пространства, разделяющее людей, художник хотел донести до зрителей и в живописи и в скульптуре. «Если бы удалось изобразить пустоту вокруг головы, я бы считал себя победителем». Ухватить неуловимое, достичь недостижимого — вот главный мотив его творчества, одержимости и величия.

«Я работаю, — говорил Джакометти, — чтобы лучше видеть». Он выбрал главным сюжетом человека, его лицо, которому в течение всей жизни задавал вопросы. Это был страстный непрекращающийся диалог. «Я отдал бы все свое творчество за один разговор». Он мечтал проникнуть в тайну человеческого духа. Недаром именно так — «воплощением духа» — называли скульптуры Джакометти. Недаром поэты и писатели: Луи Арагон, Поль Элюар, Жан-Поль Сартр, Жак Превер — любили искусство Мастера, воскликнувшего однажды: «Но почему, почему цветы кажутся нам столь прекрасными?»

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

ЭТИ ДВА СТАРШЕКЛАССНИКА из Индепенденса, штат Айова — из последних молодых жителей городка. Тихое угасание «глубинки» гонит молодежь в крупные индустриальные центры, на местах остаются лишь старики. Нельзя сказать, чтобы власти не были этим обеспокоены: они выделяют таким городкам фонды на развитие, но что можно в них развивать? Одна из статей расхода — забота о живой природе, и труд ребят тоже оплачивается из этих денег. Зверью теперь, конечно, живется веселее, да что-то новенькое их «шефы».

ПОСКОЛЬКУ МЫ ВСЕ ЧАЩЕ ПРИСМАТРИВАЕМСЯ К ТОМУ, «КАК ТАМ У НИХ», особенно в области законотворчества, «Ровесник» решил время от времени информировать читателей о событиях в государствах, традиционно считающихся правовыми. Вот один из примеров: недавно молодая американская домохозяйка была осуждена на полгода тюремного заключения за клевету. Она обвинила работавшего у нее в доме маляра в том, что он украл какие-то безделушки. В результате обвинения маляр лишился работы (а в семье у него четверо детей), предъявил встречный иск, и невиновность его была доказана. Но не тюрьма стала главным наказанием для домохозяйки: судья обязал ее оплатить время для объявлений на семи радиостанциях и по полстраницы во всех газетах штата Массачусетс, где эта история случилась. По всем радиопрограммам и во всех газетах будет опубликовано извинение оболгавшей маляра дамы с указанием ее имени и домашнего адреса.

РЕЖИССЕР ФРАНКО ДЗЕФФИРЕЛЛИ СНЯЛ СВОЮ ВЕРСИЮ «ГАМЛЕТА», где в роли принца Датского выступает не кто иной, как... Мел Гибсон. «Все, кто знают актера по «Безумному Макс» и «Смертельному оружию», были просто поражены моим выбором: этот мускулистый герой боевиков — и Гамлет? Возможно ли? Но я уверен: настоящий актер и может, и должен нарушать привычные амплуа», — утверждает режиссер.

Сам же Гибсон утверждает, что прочитал массу литературы о Гамлете, «но вот чего я понять так и не смог: почему он все время беспокоится? Может, у него просто обыкновенная депрессия? На мой взгляд, проблема Гамлета в том, что он слишком много размышляет о вещах достаточно ясных. Во-первых, после смерти отца королем должен был бы стать он, а не второй муж матери. Разве не понятно, что совершено беззаконие и с ним надо бороться? Во-вторых, почему это Гамлет не расправился с убийцей, когда узнал, что отец его был убит? По-моему, Шекспир нарочно все запутал...»

Это, конечно, забавная идея: «распутать» трагедию Гамлета средствами современного боевика, но, к счастью, Дзеффирелли не пошел по этому пути. На снимке: Гамлет — Мел Гибсон, мать — Гленн Клоуз.

НАШИ «СПРУТОМАНЫ» (ТОЧНЕЕ, «СПРУТОМАНШИ») уже упились скорбью по комиссару Каттани, убитому в четвертом фильме сериала, как оказалось, в связи с решением дирекции итальянского ТВ «сделать телевидение более спокойным и умиротворяющим». Известно, дойдет ли до нас «Спрут-5» и снимающийся «Спрут-6», но известно, что итальянская публика (а именно по ее требованию дирекция телевидения все же вынуждена была возобновить «неумиротворяющий» сериал) уже высказалась о новом герое-комиссаре. Зовут его не Каттани, а Давид Ликата, и играет его, как тоже известно нашим зрителям, Витторио Меззоджорно. Так вот, новый герой понравился больше предыдущего, которого итальянские газеты нарекли «плачущим комиссаром». Новый, хоть и не красавец, но зато как-то героичнее и действует более жестко, по современному.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

КАК-ТО ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, что в этом номере у нас подобрались заметки «об отрицательных сторонах вполне положительных явлений». Ничего не поделаешь — диалектика! Вот еще один парадокс: оказывается, стремление управлять своим телом и приобрести хорошую фигуру тоже может стать для некоторых «качков» занятием отчаянно вредным. Иные настолько прирастали к «тасканию железа», что гантели и спортивные снаряды стали для них чем-то вроде наркотика: несколько часов, проведенные вне зала, превращаются в настоящую пытку. Какая уж тут учеба или работа! И потому в некоторых нью-йоркских спорткомплексах введена новая должность: специалисты по преодолению «спортомании».

КУРИЛЬЩИКИ МНОГИХ СТРАН стали настоящими жертвами антитабачной кампании: их не пускают в рестораны, их третируют в поездах, загоняя в специальные купе и вагоны, их подвергают дискриминации при приеме на работу. А в современном американском кино положительный герой может быть даже пьяницей, но вот с сигаретой его редко увидишь... И курильщики Великобритании проводят теперь свою общественную антикампанию: «Мы — тоже люди!»

Вы спрашивали

ПРОШЛОГОДНИМ ТУРОМ ПО США группа «Депеш мод» отметила свое первое десятилетие, и, судя по тому, как развиваются события, скорое забвение — даже в случае распада — музыкантам не грозит. Феномен «Депешей» — как называют их у нас — в фантастической верности поклонников. Причем дело не только и не столько в музыке, а вот в чем... Этого и сами музыканты понять не в состоянии. Они даже устроили среди своих поклонников что-то вроде опроса: «Но вразумительных ответов так и не получили, — говорит Мартин Гор, автор большинства песен. — Может, вопрос неверен? Попробуйте-ка сами объяснить человеку, за что вы его любите. Вот за что не любите — сказать куда проще».

Музыкальные критики уже десять лет не любят «Депеш мод» за то, что они практически не используют «живых» ударных и гитары, а также за то, что они не любят давать интервью. Критики язвят: «Депеш мод» из тех групп, что продали больше своих рекламных маек, чем пластинок». Но чем бы ни объясняли свою нелюбовь критики, поклонники любят без объяснений...

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

ИСТОРИЯ В ЦИТАТАХ

Морис Палеолог: «Если бы деятельность «старца» ограничивалась областью сластолюбия и мистицизма, он был бы для меня лишь предметом более или менее интересного психологического... или физиологического исследования.

Но, силой обстоятельств, этот невежественный крестьянин сделался политическим орудием. Вокруг него сгруппировалась клиентура влиятельных лиц, связавших свою судьбу с его судьбой...»

(Мы не станем здесь пересказывать все хитросплетения, хронику перестановок и взаимовлияний, осуществлявшихся посредством Распутина в высших эшелонах власти, — придирчивый и любознательный читатель может сам изучить переизданные недавно у нас воспоминания Мориса Палеолога. Приведем лишь маленький абзац из романа французского писателя. — Ред.)

Из романа Жозефа Кесселя «Слепые короли»: «Мануйлов... извлек из кармана блокнот с записями.

Ровным голосом он начал докладывать, какую речь произнес Милюков, какие в ней были намеки, чего он ею добивался. Распутин слушал, нахмурившись, не перебивая, он лишь то и дело наполнял свою рюмку и пил, не морщась.

Когда Мануйлов закончил, старец не двинулся с места, сдерживая пьяную ярость. Потом лег на диван, потянулся и прошептал:

— Закреть, что ли, Думу?

Он провел ладонью по пересохшим губам и снова повторил:

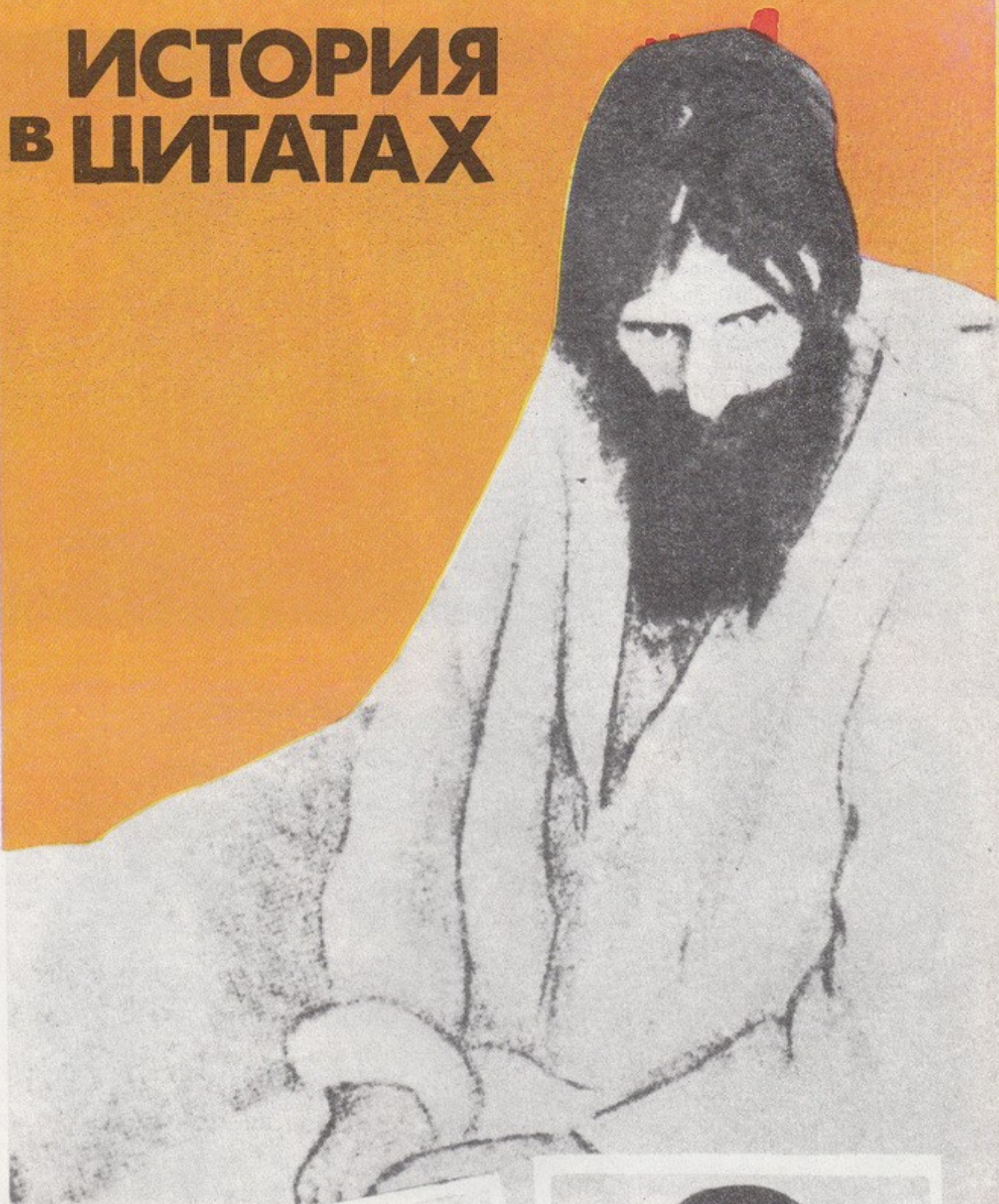
— Закреть ее? Закреть?»

(«Государственной» — впрочем, как-вычки здесь неуместны, — деятельности Распутина посвящены многие страницы книг о нем, но ограничимся выдержкой из романа Р. Дж. Минни. — Ред.)

Р. Дж. Минни: «Царь был бы рад видеть его, поскольку он намеревался послать Распутина в Нижний Новгород для встречи с губернатором города Алексеем Хвостовым. Дело в том, что Столыпин уже в течение двух сроков управлял кабинетом министров, ему была назначена замена в лице Коковцева, и царь раздумывал — а не назначить ли Хвостова на пост, прежде Коковцевым занимаемый, пост министра внутренних дел? Анна (Вырубова) сопровождала Григория в Санкт-Петербург и сообщила ему, что царь хотел бы узнать его мнение по поводу назначения Хвостова на столь высокую должность.

Нижний Новгород, большой шумный город милях в двухстах пятидесяти к востоку от Москвы, изобиловал амбарами (крытыми рынками) и татарами. *(Просим прощения, но так было у автора. — Ред.)* Григорий прибыл в резиденцию губернатора, но Хвостов понятия не имел, кто бы это мог

Окончание. Начало см. в №1 и 2 за этот год.

На снимках: Григорий Распутин, его дочь Мария и князь Юсупов.

быть — даже имя Распутина ему ни о чем не говорило. Хвостов отказался его принять, и Григорий, памятуя о своем долге перед царем, ворвался силой. Хвостов был в ярости, увидев, как этот по виду крестьянин, в мятой с дорожки одежде, топчет пыльными сапогами паркет его элегантною гостиной. Взбешенный губернатор приказал Распутину выйти вон и для пущей убедительности вызвал слугу. Уходя, Григорий сказал Хвостову: «Государь получит неблагоприятный отзыв».

Хвостов полагал, что это обыкновенная бравада. Разве мог этот неопытный мужик, не умеющий вести себя в обществе сильных мира сего, общаться с императором? Но чем больше губернатор думал об этом эпизоде, тем более мучили его сомнения. Если этот наглый тип действительно имел поручение от государя, значит, он отправил свой отчет телеграфом. Хвостов позвонил на телеграф и спросил, посылали ли телеграмму некий мужик. Да, посылали, ответили ему. Кому она была адресована, осведомился губернатор.

— В Царское Село.

— Вы имеете в виду — государю императору?

— Нет, — ответил телеграфист. — Анне Вырубовой.

— Не будете ли вы любезны зачитать мне ее?

«Передай Маме, — гласило послание, — что на Хвостове лежит благодать Божья, но ему все-таки чего-то не хватает».

Хвостов был в ужасе: царь явно метил выдвинуть его на какой-то высокий пост, а он сам, своими руками, все разрушил! Он начал собираться: необходимо ехать в Санкт-Петербург. Надо встретиться с Государем, и тогда все исправится.

Царь был в недоумении: почему это Хвостов молит о срочной аудиенции? Хвостов объяснил, что он прибыл, чтобы обсудить проблемы канализационной системы Нижнего Новгорода. Царь нахмурился:

— Этот вопрос вряд ли можно считать срочным или даже сколько-нибудь важным, — встал и попрощался с губернатором.

Хвостов поста не получил. Новый премьер-министр Коковцев рекомендовал императору своего собственного кандидата на должность министра внутренних дел, Макарова. О Хвостове же он сказал царю так: «Этого человека никто не уважает».

Морис Палеолог: «...Одна из приглашенных русских, княгиня В., благородное сердце, живой и развитой ум, знаком приглашает меня сесть возле нее...»

Она минуту молчит, как будто прислушивается к внутреннему голосу. Затем она продолжает с серьезной и грустной покорностью:

— То, что я вам сейчас скажу, покажется вам педантичным, несуразным. Тем хуже... Но я очень верю в рок, ве-

рю в него, как верили древние писатели — Софокл, Эврипид, которые были убеждены, что боги Олимпа сами подчинены Судьбе.

— *Me quoque fata regunt...* вы видите, что из нас двоих педант — это я, потому что я цитирую вам латынь...

— Что значит ваша цитата?

— Это слова, которые поэт Овидий вкладывает в уста Юпитера и которые значат: «Я тоже подчиняюсь Судьбе».

— Ну что же. Со времен Юпитера положение не изменилось. Судьба все правит миром, и само Провидение покорно Року. То, что я говорю вам, не очень в духе православия, и я не повторила бы этого перед Синодом. Но меня не оставляет мысль, что рок приближает Россию к катастрофе. Я страдаю от этой мысли, как от кошмара.

— Что вы понимаете под роком?

— Посмотрите, посмотрите на царя. Разве он не явно предназначен судьбой погубить Россию? Не поражает ли вас его неудачливость? Можно ли накопить в одном царствовании столько разочарований, неудач, несчастий? Все, что он ни предпринимал, его самые здоровые идеи, самые благоразумные намерения, все потерпело неудачу или даже обратилось против него. Логически каков должен быть его конец? А царица? Знаете ли в античной трагедии более жалкое создание? А гнусный негодяй, которого я не хочу называть? Он тоже достаточно отмечен роком... Как объясните вы, что в такой исторический момент эти три существа держат в своих руках участь обширнейшей в мире империи? Вы не видите в этом действия фатума?..»

Колин Уильямс: «Большинство биографов Распутина русскими не были, и не понимали, что значит быть русскими. Те из русских, кто писал о Распутине, либо коммунисты, либо, по крайней мере, марксисты.

Религия Распутина крайне невежественна, буквальна, объективна по сравнению с учениями крупных религиозных деятелей его столетия — Паскаля, Уильяма Лоу, Ньюмена, Кьеркегора. Это удивляет нас, европейцев; ведь сам Распутин был далеко не невежественным. Зато он был необычайно самоуверен, но не интеллектуальной самоуверенностью Ницше; зарони в его сердце хотя бы крупицу своего скептицизма Заратустра, и разрушилась бы вся структура его личности. Царевич прозвал Распутина «новиком»; но это был не «новик», а, напротив, последыш старого мира; и немудрено, что погибнуть ему пришлось как раз накануне Октябрьской революции».

Р.Д. Минин: «Даже самые образованные люди своего времени видели в Григории Распутине лишь проклятие, избавившись от которого можно было остановить неумолимый ход Истории. Конечно, светское общество, склонное к мистицизму и модным тогда суевериям, и должно было мыслить

Жозеф Кессель: «В час ночи автомобиль въехал в небольшой дворик дворца Юсупова. Грузный шофер в фуражке и армейского кроя пальто на меху помог Распутину и князю Феликсу выйти из машины. Шофер суетился и слишком низко наклонял голову, словно боялся, что его узнают.

Было тихо, снег почти не скрипел под ногами. Князь Юсупов открыл дверь, за которой показалась комната с винтовой лестницей. На улицу вырвалась громкая резкая музыка.

«Не забыли», — подумал князь, пропуская вперед Распутину.

Старец вошел во двор и первым делом принялся, жадно втянул жаркий воздух, стараясь уловить какой-нибудь особенный запах, обещающий ему удовольствия. Затем снял свою каракулевую шапку, тяжелую шубу, подбитые мехом бахилы, закрывающие сапоги, и спросил:

— Куда идти, малец?

— Спускайтесь вниз, Григорий Ефимович, там уже никого нет.

— Хе-хе, — крикнул Распутин, входя в комнату нижнего этажа, — у тебя веселились, как погляжу. — Посреди комнаты стоял неубранный стол. Еще дымился в чашках недопитый чай, на блюдах лежали надкусанные пирожные с розовым и шоколадным кремом; салфетки смяты и брошены так, что казалось, многочисленная компания только что спешно ретировалась отсюда, напуганная приходом важного гостя.

То, что его боятся, понравилось Распутину. Внимательным взглядом он окинул комнату и остался доволен. В глубине комнаты, над камином, его внимание привлекло замечательной работы распятие из слоновой кости. Слева на комод стояли бутылки марсалы, портвейна, мaderas и хереса, за ними — рюмки темного стекла. Что в двух из них была накапана жидкость желтоватого цвета, старец не заметил.

— Видно, что дамочки были, — сказал неожиданно Распутин. — Бутылки даже не открыты... Только женщинами почему не пахнет, а?

Впрочем, вопрос этот был задан тоном, не требующим ответа. Обычную настороженность старца притупили и глубокое расположение, какое он испытывал к князю, и весь вид комнаты, погруженной в полумрак, с низкими потолками, подогревающий в нем желание.

Распутин приблизился к большому зеркалу. С довольным видом оглядел свои мягкие, как из живой кожи, сапоги, кремового цвета сатиновую рубеху, расшитую и перетянутую широким поясом из красного шелка. Наклонившись, всмотрелся в отраженное мутноватым стеклом белое лицо с маслянисто блестящей бородой и неподвижно застывшими глазами и отошел на середину комнаты с видом благостным и самоуверенным: ему и так никто не ровня, а сегодня — подавно. Те-

ло его дышало мощью, внутренним огнем. Он с нетерпением ждал обещанного наслаждения.

— Полицейских своих я насмерть запутал, — сказал он. — Никто не знает, что я у тебя, малец. Княгинечка может быть спокойна. Скоро ж она придет?

— Как гости уйдут, — ответил князь. — Иначе заметят, что ее долго нет.

— Хорошо, хорошо, время есть.

Распутин прислушался к доносящейся сверху громкой, навязчивой мелодии.

— Что за музыка? — спросил он.

— Веселятся, фонограф заводят, Григорий Ефимович.

— Я говорю: музыка незнакомая.

— Американский марш, «Янки Дудл» называется. Очень веселый.

— Да-а, — пробурчал старец.

Он в задумчивости подсел к столу. Сам не зная почему, он чувствовал, как его радостное настроение понемногу улетучивается. Незнакомая музыка его тревожила. Взгляд князя успокоил его. Чего опасаться с таким спутником?

— Не хотите, Григорий Ефимович? — весело предложил князь Юсупов. — Тут ваши любимые вина.

Распутин посмотрел на бутылки. В другой раз он принял бы за них, не дожидаясь приглашения. Но в эту ночь, кто знает почему, вина ему совершенно не хотелось.

— Благодарствуй, — сказал он, — вина не хочется, хочется княгинечку увидеть.

— Возьмите пирожное, — и Юсупов пододвинул к старцу блюдо с пирожными, всего час назад ловко начиненными ядом.

Предложение Юсупова звучало что ни на есть гостеприимно. Но Распутин грубо отпихнул блюдо.

— Нет, говорю, — крикнул он, — ничего не хочу.

Затем, как бы пожалев о несдержанности, дружески предложил:

— Лучше давай поговорим о чем-нибудь.

Завели пустой разговор. Наверху фонограф гудел американским маршем. Распутин мрачнел. Он то и дело прерывал разговор, прислушивался, но не слыша ничего, кроме громкого «Янки Дудл», морщил лоб. В глазах его проснулось беспокойство, он с непонятной тревогой оглядывал комнату.

Видя, что еще недавно безмятежное лицо старца вдруг стало беспокойным и подозрительным, Юсупов встал.

— Пойду посмотрю, что там мои гости, — сказал он. — Вы позвольте, Григорий Ефимович?

Голос князя подействовал на старца успокаивающе.

— Иди, — разрешил он. — Если можешь, уводи свою жену оттуда.

Наверху четверо заговорщиков, затаив дыхание, ждали Юсупова.

Оставшись один, Распутин откинулся в кресле, закрыл глаза. Ему вдруг вспомнился запах сибирской тайги...

Казалось, он задремал. Все его желания вдруг разом исчезли. Он не помнил, зачем он пришел в этот дом. Лицо его разгладилось, заулыбалось, как у ребенка в минуты, когда он засыпает.

Внезапно он ощутил, что этот покой, какого он, может быть, никогда в жизни не испытывал, вестник опасности. Он напрягся. Механический голос, без устали повторяющий один и тот же странный марш, начал раздражать его. Он сжал кулаки, будто готовясь к встрече с врагом.

Вернулся Юсупов.

— Я говорил с княгиней, — сказал он. — Она сейчас придет. Потерпите, Григорий Ефимович, и извините за то, что заставили вас долго ждать.

Голос князя вновь успокоил старца.

— С тобой, малец, — ответил ему Распутин, — время идет легко.

Он повернулся и вновь осмотрел себя в зеркале.

— Ей не терпится меня видеть, я знаю, — сказал он. — Небось бедняжка клянет своих гостей. Ночные часы жаркие, для тела — самая польза.

Он потянулся, с наслаждением расправив крепкие мышцы, чувствуя, как разгоняется по телу кровь, которая у него — он верил в это — краснее, чем у других людей, спросил:

— А она знает, кто я такой и чего хочу? — посмотрел он на Юсупова. — Ты сказал, а? Как лечу, как насквозь человека вижу, про Маму сказал и про все такое?

Глаза у него заблестели, взгляд сделался пронзительным, но потом, как бы приберегая свою таинственную силу, в эту минуту ему ненужную, он отвел взгляд. Князь, хотя по-прежнему был преисполнен решимости, вздрогнул. Ему показалось, что Распутин обо всем догадывается.

В самом деле, почему старец, который никогда спокойно не мог смотреть на вино, теперь не хочет выпить? Отчего этот внезапный перепад настроения? С чего, наконец, это напряжение, как будто Распутин приготовился к решительному бою?

Навязчиво весело звучал «Янки Дудл». Музыка теперь раздражала их обоих. Распутин подумал было о вине, но что-то в душе говорило ему не пить.

Он вновь завел разговор — скучный, пустой. Время шло. Тщетно пытался он увлечься беседой, бесконечный мотивчик мешал ему сосредоточиться на предвкушении обещанного удовольствия, вызывая в нем уже не раздражение, но ярость. В конце концов он не выдержал:

— Давай выпьем, — сказал он.

Пальцы у князя, сильные пальцы, несмотря на то, что ладонь у него была узкой, изящной, дрогнули, когда он потянулся открывать бутылки. Впрочем, князь тут же овладел собой и поспешил наполнить рюмки, в одной из которых на дне поблескивали капли цианистого калия.

— Ну, пьем, что ли, — сказал старец. — Да хранит нас Господь!

Звякнули рюмки. Распутин одним духом опустошил свою.

— Пирожное, Григорий Ефимович? — спросил князь.

Старец машинально откусил кусок отравленного угощения. Юсупов налил мадеры во вторую рюмку с ядом. Распутин выпил еще.

Несколько секунд оба молчали. Князь ждал, когда подействует страшный яд. Но с каждым следующим мгновением с ужасом убеждался, что доза, которая могла бы убить нескольких человек, не действовала. Распутин был жив, и в глазах у него, в самой их глубине, появился необычный блеск...

— Крепкое у тебя вино, — прорычал старец, икнув так, что все тело его вздрогнуло. У Юсупова вновь появилась надежда. Струйка слюны стекла на подбородок с побледневших губ старца. И все.

Распутин встал и подошел к князю. С лица старца исчезла дружеская улыбка, черты его исказила гримаса нетерпения и гнева.

— Ты смеешься надо мной? — закричал он. — Вот уж час, как я здесь сижу, а княгиня все не спустится. Они будут заводить свою проклятую музыку всю ночь, а я должен ждать?

Распутин со злостью передразнил мотив «Янки Дудл», по-прежнему громко доносившегося сверху.

— Довольно, — продолжал он. — Пусть спускается, или я ухожу.

— Еще три минуты, Григорий Ефимович, — проговорил Юсупов. — Я поднимусь за ней.

Наверху в кабинете, из окна которого был виден купол Исаакиевского собора, четверо сообщников выслушали невероятное известие. Дьявол одолел яд.

Распутин не мог слышать, о чем они шептались, но душа его была не на месте. Он стоял на медвежьей шкуре, чувствуя, как тяжелеют у него ноги, как странный гул усиливается в ушах. В носу и горле горело, он то и дело подносил руку к груди, ослабляя ворот рубахи.

— Ну так что? — крикнул он возвратившемуся Юсупову.

— Сейчас, Григорий Ефимович. Сейчас уже.

В выражении ли лица у князя было что-то неестественное, или же к Распутину наконец вернулся его дар провидения, но Распутин вдруг сказал: «Лжа все это. В этом доме пахнет западней». И настороженно прислушался, думая уловить звук шагов на лестнице, но ничего, кроме фонографа, по-прежнему не слышал.

— Хватит этой музыки, — закричал он. — Будет.

В третий раз Юсупов поднялся наверх.

Распутин не знал, что сейчас там, наверху, у него над головой, решалась его судьба, что одни хотели отпустить его, другие не соглашались. Но тревога его становилась невыносимой. Все в этой комнате дышало предательством. И прежде обещанное удовольствие казалось уже обманом.

Распутин обернулся к распятию, бе-

леющему в пролуме. И тогда, как в дни своего непостижимого разумом триумфа над материей и мыслью, он ощутил, как по венам его растекается загадочная сила. Он ощутил себя выше людей и потому — в безопасности. Он уже знал, что сейчас ему нужно уйти.

В тот же миг на пороге возникла стройная фигура князя. Одну руку князь держал за спиной. На его лице застыло выражение такого душевного спокойствия, что в последний миг старец остановился. Нельзя было не верить таким красивым губам, такому красивому голосу.

— Посидите, Григорий Ефимович, — говорил этот голос. — Княгиня уже спускается.

Старец уже забыл о княгине, однако ответил:

— Тогда остаюсь.

Он сделал шаг назад. Юсупов двинулся к нему. По тому, как князь вдруг напрягся, Распутин все понял. Но было поздно. Грудь его как будто пронзило раскаленной спицей. Грохот выстрела на миг заглушил музыку. Из горла старца вырвался протяжный хриплый вопль. Он почувствовал горячий густой мех, на котором только что стоял, у себя под щекой.

Он слышал топот ног на лестнице, в комнате, чье-то прерывистое дыхание... возгласы... Свет померк — глазам стало не так больно, — потом зажегся снова. Он потянулся закрыть лицо рукой. Другую руку он держал прижатой к боку, как будто силясь остановить уходящую жизнь. Грудь высоко вздымалась при каждом вздохе. Плечи передернуло судорогой.

Он вдруг вспомнил о ноже, которым вздумала его убить в Сибири женщина, не знавшая, какая в нем, Григории Распутине, сила жизни. Пуля князя ударила его сильнее ножа. Лежа с закрытыми глазами, он повторял про себя:

— Не умру, не умру.

От людей, окруживших его, исходило презрение и безграничная ненависть. Этим ядовитым волнам он ставил заслон из своей жажды выжить и победить. Он знал, что раны не в счет, покуда сильно в его плоти и в душе стремление жить. Временами его обволакивало тихое и приятное чувство слабости, такое же теплое, как мех, на котором он лежал. Не сдаваться, не сдаваться!

Но вот грубые руки вцепились в него, и только-только возникшая вокруг него и отделившая его от этих людей защитная сфера разрушилась. Его поволокли по полу. Чей-то голос воскликнул:

— Крови нет! Должно быть, внутреннее кровоизлияние.

Старец почувствовал, что лежит на холодном каменном полу. Этот холод был как живая вода, его с жадностью впитывало каждой порой сквозь тонкую рубаху его тело. Он лежал долго, чувствуя на себе взгляды. Наконец слышался голос князя Юсупова:

— Ну что ж, господа, пойдемте наверх. Надо довершить наше дело.

И Распутин остался в комнате один. Был ли он уже мертв, или жизнь в нем,

наоборот, билась сильнее обычного? Никто на свете не мог бы ответить на этот вопрос, даже он сам. Стояла абсолютная тишина. Ни голосов, ни музыки. Воздух был влажен и неподвижен. Старцу уже не было больно. Дыхание сделалось неразличимым.

Всего этого он не осознавал. Он был как подрубленное последним ударом топора дерево, под шершавой корой которого еще бегут соки. Он лежал как во сне на каменном полу, ладонью зажимая бок, откуда не вытекла ни одна капля крови.

Возможно, этот сон стал бы последним, что ему отпускала жизнь, если бы в комнате не скрипнула дверь, но не звук пробудил его сознание, а присутствие человека, того единственного человека, который мог лишить его всей его силы. И Распутин ожил.

Тот же человек, который привел его к смерти, теперь не давал ему умереть. Не во власти Юсупова было разорвать связь, какая соединяла их.

Старец ощутил присутствие князя сразу, в миг, который, впрочем, нельзя было бы назвать мигом, в привычном для человеческого сознания измерении, потому что одновременно он понял, что жив. Силы вдруг разом вернулись в его еще секунду назад бездыханное тело. Сердце забилося быстро и мощно. Когда князь остановился рядом со старцем, чтобы полюбоваться на его труп, Распутин одним рывком поднялся на ноги.

Его глаза, огромные от того, что в них, казалось, вмещался весь мир, горели как похоронные факелы. Взгляд старца впился в глаза князя и застыл. Юсупов не шелохнулся, все человеческие чувства не могли выразить того, что происходило в нем.

С мертвенно бледных губ, поднявшись из простреленной груди, вырвался стон. В нем звучал упрек, тоска, ярость и боль:

— Феликс! Феликс! Феликс!

Трижды повторенное почти по бугам нечеловеческим голосом имя покатилося эхом по переполненной мертвой тишиной комнате. С криком — более диким, безумным, чем тот, который изрыгнул раненый Распутин, Юсупов бросился к лестнице.

Старец не стал медлить. Сознание вернулось к нему полностью. Ни яд, ни пуля не убавили в нем сил. Он твердым шагом двинулся к двери, поднялся по лестнице и вышел во двор. До него доносился испуганный крик князя:

— Пуришкевич, стреляйте, стреляйте! Он живой! Он уходит!

Только теперь в душе старца вспыхнула ненависть к Юсупову.

— Будь проклят! Проклят! — крикнул он в ответ. — Вот я все скажу царице...

По рыхлому снегу он бросился бежать к воротам. Там была улица, полиция, его спасение. Бросив взгляд назад, он заметил в дверях угловатую фигуру человека с бородой. Тот направил на него блестящий предмет.

— Не попадет! Не попадет, — собрав всю свою волю, твердил Распутин.

Послышался выстрел. Старец побежал быстрее. Еще один. Вновь промах. Распутин ухватился за ограду и победно засмеялся.

В этот миг бородатый человек укусил себя за руку, будто болью пытаясь изба-

виться от наваждения, и выстрелил еще раз. Распутин пронзилось между лопаток раскаленным лезвием. Он еще бежал. Ноги несли его прочь от дворца, когда в голове у него как будто бы разорвался страшной силы заряд. Старец несколько раз покачнувшись, упал на колени и уткнулся лбом в снег.

Кто-то ударил его сапогом в висок. Он упал лицом вниз, но тут же выбросил обе руки вперед и, врываясь до самой земли в снег своими толстыми загнутыми ногтями, попытался ползти. Он страшно скрипел гнилыми зубами.

Нет, он не потерял сознания. Он чувствовал, как его отрывают от снега, в котором кровь протопила черные канавки, как волокут подальше от ворот.

По внезапно пробежавшей по всему его телу обжигающей волне Распутин понял, что к нему приближился молодой князь. «Феликс! Феликс! Феликс!» — прорычал князь, взмахивая невесть откуда появившейся у него в руках палкой и обрушивая ее на голову старца.

Гулом колокола отдавались во всем теле удары, которые князь яростно наносил ему по голове. Но Распутин не боялся их, он знал, что он не умрет, пока князь будет около него.

С каждым ударом, как эхо, из груди у него вырывался глухой стон. Левый глаз вытек. Правый сверкал между разбухших черных век, горя страстью, ненавистью и верой. Ничто, казалось, не могло погасить этот огонь. Демон Распутин жил в этом взгляде, бессмертный и непобедимый.

Кто-то оттащил Юсупова от Распутин. И тут же слабость, для которой не осталось преграды, захлестнула старца. Стоны стихли. И все же он еще боролся. Сила, которая на протяжении стольких лет позволяла ему властвовать над душами, сила, черпаемая им из таинственного источника, еще сопротивлялась наступающей откуда-то из мрака слепоте. На мгновение ему показалось, что он их всех победил: он увидел, как к нему бросились двое в форменных шинелях.

Но, когда те двое принялись заворачивать его в синее сукно, когда он почувствовал его шершавое прикосновение, когда его отделили от земли, от вольного воздуха, от всего, в чем черпала силы его жизнь, мужество оставило его. И в этот момент он почувствовал, как в него входит смерть.

Шло время. Распутин был мертв. Однако плоть его еще жила. Жар жизни не желал оставить это тело, отказывающееся деревенеть, неохотно, по капле отдающее кровь, еще недавно щедро насыщавшуюся вином и разогреваемую страстью.

Отравленное ядом, пробитое пулями, изуродованное ударами дубины, тело все еще ощущало, как его бросили на что-то твердое, как куда-то тряско везли, как рядом звучали приглушенные голоса, не вызывающие в нем никакого отклика.

Распутин был мертв. Его тело продолжало свой жизненный путь. Оно чувствовало холод ночи и ледяной ветер со стороны замерзшего канала. Чувствовало, как его несут сильные руки.

Когда вода сомкнулась над ним, три пальца на правой руке соединились в крестном знаменнии.

Было четыре часа утра.

Конец

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...

Они спрашивают: «Откуда вы?» Когда вы отвечаете, что из Венгрии, они говорят: «Замечательно!» Неплохо также быть чехом, поляком или восточным немцем. Но быть венгром все же более замечательно, хоть такой расклад и может измениться в любой момент. В последнее время самое замечательное — быть румыном.

Когда вы соглашаетесь, как замечательно быть тем, кто вы есть, они говорят: «Интересные дела у вас творятся!» И вам опять приходится согласиться. На этот раз вы на вечеринке в Йельском университете. Людям, окружающим вас — историкам, социологам, экономистам, — интересна Восточная Европа. Вы им нравитесь.

В одной руке у вас бокал, в другой — бумажная тарелочка с едой, а с помощью третьей вы пытаетесь есть. Поэтому вы лишь киваете: вам больше по нраву быть просто интересным, нежели замечательным.

Вашу страну называли «самой забавной казармой восточного блока» и «архипелагом Гуляш». Теперь уже нет ни блока, ни бараков, да и гуляш в опасности из-за астрономических цен на мясо и растущей инфляции.

Они спрашивают: «Вы здесь уже давно?» Вы отвечаете: шесть месяцев, и они вновь восклицают: «Замечательно!» Если вы здесь шесть недель — это тоже замечательно. Если шесть дней — просто изумительно.

Да, здесь действительно изумительно, и вы не можете отвести глаз от этой страны. Всего лишь несколько лет назад вы и мечтать не могли побывать здесь. Вам хорошо, если вы чех, поляк, венгр, болгарин, кто угодно, — все равно здесь прекрасно. Здесь вы должны работать как зверь, чтобы вам заплатили. Но ведь и дома вы работали как проклятый. То, что вы получали там, — гроши

по сравнению с тем, что вы имеете здесь. Вы чувствуете благодарность и стыд, потому что ваши друзья дома завидуют вам. Они-то получают все те же гроши.

«Вы останетесь?» — спрашивают вас, но это звучит как утверждение. Вы отвечаете: «Не знаю». Вы действительно не знаете. С одной стороны, вас гложет мрачное предчувствие, что, уехав отсюда, вы больше не вернетесь. С другой, интересные дела творятся там, в стране, где вы когда-то родились. Вы должны быть там, разве не так?

Поэтому вы отвечаете, что, возможно, уедете домой. Кажется, они разочарованы, повторяя свое «Замечательно!». Теперь вы в этом уже не так уверены, вам хочется утешить их, вас обуревают противоречивые чувства. Вы беспокоитесь за свою страну. Она так мала и отягощена столькими проблемами: ужасающей нищетой, социальной напряженностью, антисемитизмом и прочими «интересными» вещами. Но, когда вы рассказываете об этом, вас спрашивают: «Так зачем же вы возвращаетесь?» И кажется, вы не знаете ответа.

Американцы считают: там, где есть проблема, всегда существует и решение. В Восточной Европе все наоборот: где нет решения, там проблема. Вы объяснили это девяти американцам на раутах в тридцати восьми штатах от Коннектикута до Калифорнии. Все смеялись, хоть это и не шутка. Когда же вы говорили, что пишете книгу по-английски, будучи венгром, никто

Миклош ВАМОШ, венгерский писатель

не смеялся. А ведь это смешно.

Они не смеются, но улыбаются. У них такие крепкие белые зубы. Вы чувствуете, что нужно бежать и покупать волшебную шелковую нить с мятым запахом (чтобы чистить между зубами), полоскание для рта (невообразимого химического состава) и зубную щетку (электрическую). Смеясь, они показывают десны, похожие на пластиковые, в которые эти зубы вставлены.

Неизвестно почему, но это зрелище кажется вам неприличным. В нем есть нечто порнографическое. Но вы все таращитесь на их десны, понимая, как это ни глупо, что они напоминают вам обнаженные половые органы. Ладно, думаете вы, у тебя крыша поехала, пора домой. В то же время вы наклоняете голову и начинаете есть.

— Откуда вы? — спрашивает высокая блондинка.

— Из Венгрии.

— Интересные дела у вас творятся!

— Ага.

Вы улыбаетесь, она тоже. Вы не в состоянии растянуть свой рот так же широко, как она. Слишком, слишком много десен, думаете вы.

Вы не можете сказать ни слова. Вы смотрите, как она улыбается, и думаете о своей маленькой стране. Если бы мы могли так же улыбаться... Но у нас нет таких зубов и десен. Нужно еще многое сделать, многому научиться.

Перевел Антон Алексеев

Видеоклуб КОРОЛЕВА ИЗАБЕЛЛА

Сегодня ее чаще всего можно встретить в 120-й аудитории Нью-Йоркского университета — она слушает лекции по этологии, науке о поведении животных. «Если уж я включилась в кампанию по защите животного мира, я должна знать все о тех, кого мы защищаем. Ненавижу дилетантов и дилетантский подход».

Специальный университетский курс — очередное подтверждение той исключительной серьезности, с которой Изабелла Росселлини подходит ко всему, что ее интересует. Желание, или, лучше сказать, потребность знать больше — быть может, основная характерная черта ее жизни и карьеры.

А началось все с репортерской работы для итальянского телевидения. Она быстро нашла свое место в этом бешеном «чертовом колесе» TV: высокий профессионализм отца, режиссера Роберто Росселлини, соединился в ней с самообладанием матери, блистательной актрисы Ингрид Бергман.

Переход от создателя репортажа до его объекта произошел случайно — ее сфотографировали для обложки журнала «Вог», но этот случайный шаг открыл дверь в блестящее будущее: с ней заключила контракт на рекламу знаменитая парфюмерная фирма «Ланком». Это была победа мягкой, нежной, умной красоты над суперблондинистым «шиком». «Профессия фотомодели требует огромной внутренней дисциплины, — говорит Изабелла, — но и приносит большую радость, когда ты чувствуешь, что ты — соавтор фотографа. Следить за их работой — это как читать интересную книгу. Кстати, знаете, что лучшие фотографии заставляют своих моделей читать определенные книги, чтобы потом, в момент съемок, увидеть в глазах «отблеск» прочитанного? Моя книга — «Мадам Бовари».

От изображения застывшего к изображению движущемуся Изабелла пришла быстро. «Мой кинодебют — фильм Паоло и Эмилио Тавиани «Луг». Этот фильм дорог мне и как память об отце — братьев Тавиани связывала с Роберто Росселлини долгая дружба». И газеты тотчас начали соревноваться в сравнениях Изабеллы с матерью. Сегодня увлечение сравнениями поутихло. Изабеллу спрашивают о будущем, о следующем фильме, о частной жизни или о любимом ресторане. «Все же недавно один репортер спросил меня: сколь глубоко я страдаю из-за того, что мама была великой актрисой. Я ответила довольно резко: это ваша забота, не моя».

Изабелла Росселлини снималась у многих режиссеров, но наибольший успех выпал на сотрудничество с Дэвидом Линчем. В фильме «Голубой бархат» 1986 года Линч сумел прибавить «чертовщинки» в непорочный образ, созданный фирмой «Ланком»: «Итальянская печать назвала фильм еретическим, — говорит Росселлини. — Чуть ли даже не порнографическим. Для меня же героиня — это жертва в ожидании палача.

А «Дикое сердце» (в нем партнерами Росселлини были замечательные американские актеры Николас Кейдж и Виллем Дафо) принес Линчу премию Каннского фестиваля. Изабелла Росселлини снималась и в США, и во Франции, собирается сняться в «Осаде Венеции» (совместное итало-советское производство по пьесе Карло Гольдони «Ловкая вдова»).

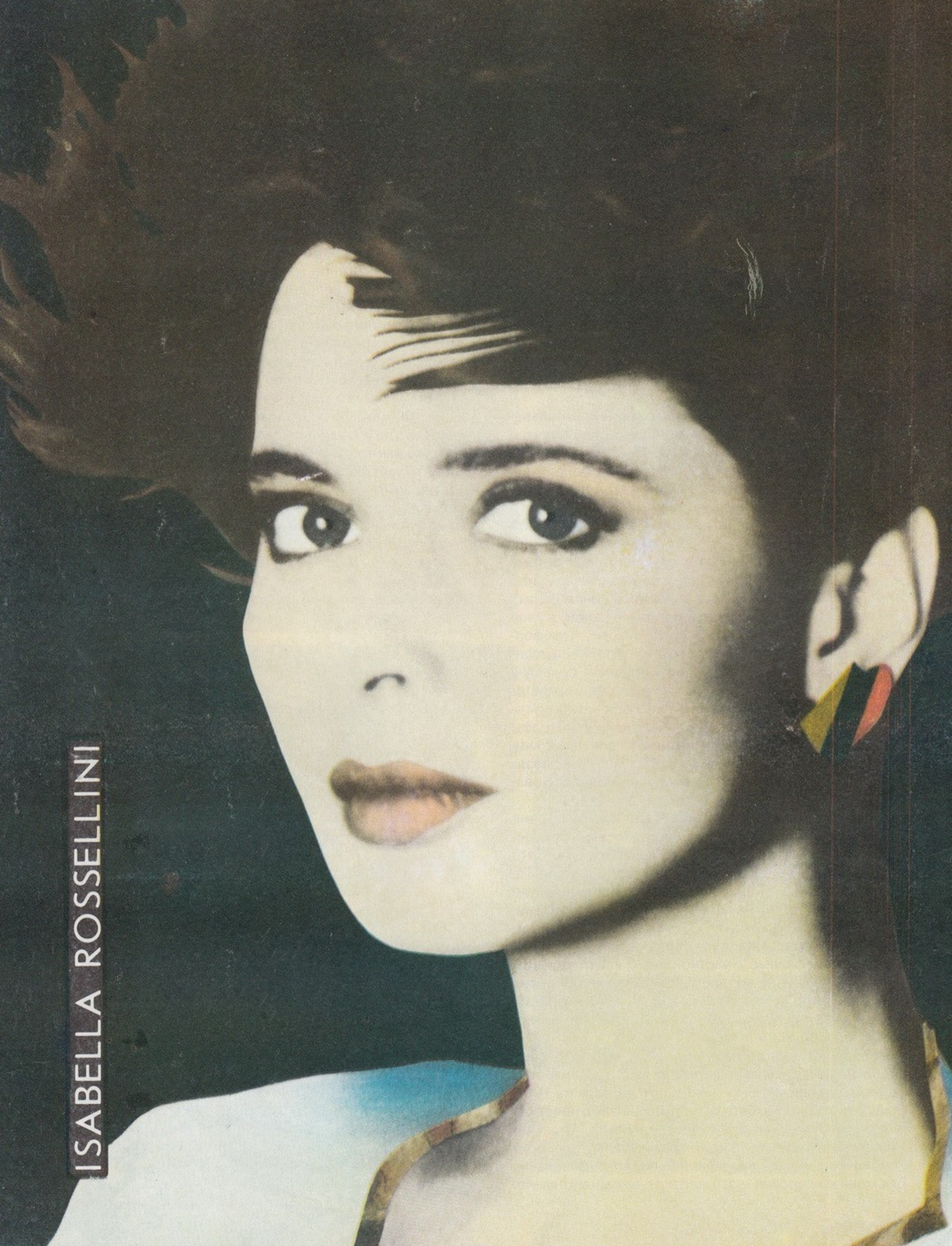
«Для меня игра — процесс выздоровления, она позволяет мне пережить и очиститься от эмоций, которые в свое время мне удалось подавить. Слава Богу, это можно сделать в рамках сценария». И приводит в подтверждение своих слов фильм 1988 года «Зелли и я»: история взаимоотношений богатой одинокой девушки и ее няни: «Играя, я испытывала очень болезненные чувства и вначале не понимала почему. Быть может, это как-то связано с моей мамой: она была сиротой. А может быть, мне вспомнилось то чувство одиночества, которое терзало меня, когда она уезжала на съемку. Я так и не поняла, была ли это моя собственная боль или унаследованная от матери». Одно я знаю точно — детей нельзя оставлять ни на минуту, поэтому моя семилетняя дочь всегда со мной...»

Женщина с «отсветом» прочитанных книг в глазах, «Принцесса кино», как называют ее репортеры, постепенно превращается в королеву.

Е. ИРИНИНА

ISABELLA ROSSELLINI

НИКИТА

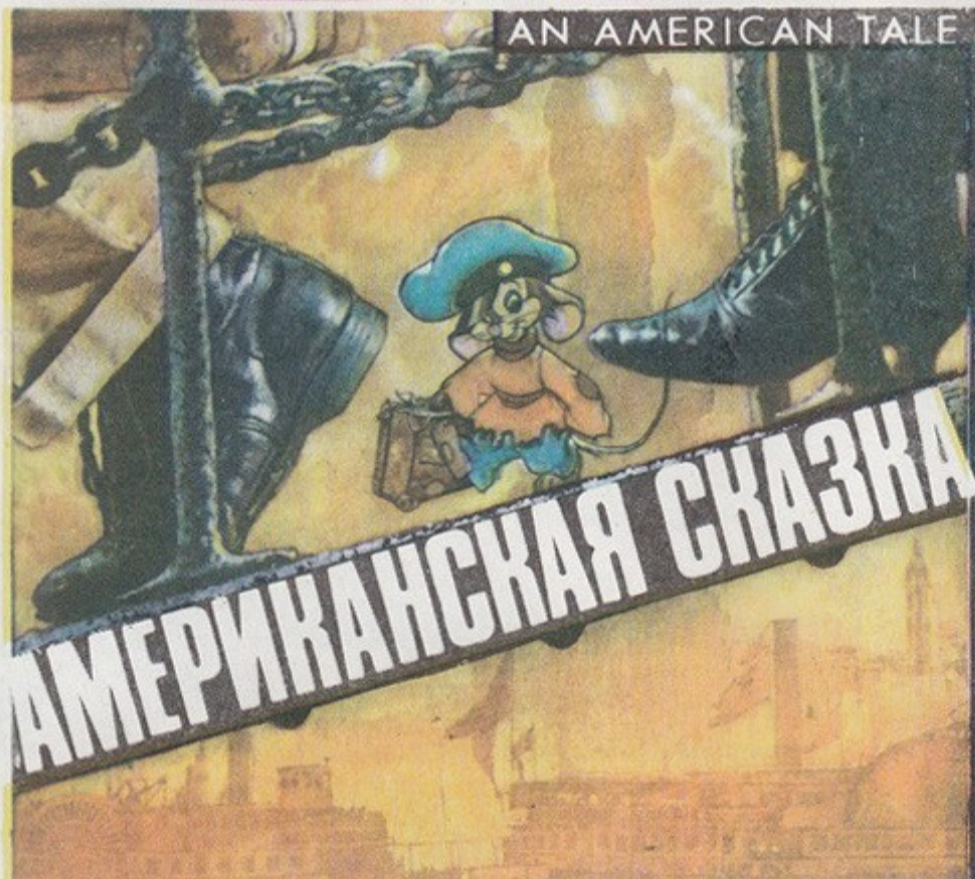

Франция. 1989 г. 1 ч. 58 мин. Режиссер Люк Бессон. В главных ролях: Анна Парилло (Никита), Жан-Хью Англад (Марко), Чеки Карио (Боб), Жанна Моро.

Приговоренную к пожизненному заключению преступницу по имени Никита (как уверяет режиссер, имя взято из песни Элтона Джона) ставят перед выбором: либо сидеть, либо пройти специальную подготовку и стать правительственным агентом-убийцей. Как вы понимаете, выбор у Никиты небогат. Она соглашается пройти трехгодичный спецкурс и превращается в совершенно новую личность. Но тут в дело вмешивается любовь, и героиня, лишь начав понимать, что такое настоящая жизнь, сталкивается с суровой действительностью: задание есть задание... Фильм страшноватый, но крепкий, и будет пользоваться успехом у тех, кто любит творчество Люка Бессона, автора хорошо известной у нас «Подземки».

NIKITA

AN AMERICAN TALE

США. 1987 г. 1 ч. 25 мин. Авт. сцен. С. Спилберг. Реж. Дон Блат.

«Соединенные Штаты — это рай, — сказал старший Маусевич своему сыну. — Там нет кошек и улицы вымощены сыром...» Этой завязки вполне хватило режиссеру «Инопланетянина» Спилбергу, чтобы отправить семейство русских мышей, спасающихся от кошек-погромщиков, в долгое путешествие по Америке конца прошлого века. Словом, «Америка, Америка» в мышином масштабе. К сожалению, сценарий великого фантазера Спилберга более чем заземлен. Да и режиссер Дон Блат, когда-то сделавший «Белоснежку», недалеко ушел от классической мультипликации. Словом, очень добротный мультфильм.

GHOST

США. 1990 г. 2 ч. 5 мин. Реж. Джерри Зукер. В главных ролях: Патрик Суэйз (Сэм Уит), Деми Мур (Молли Дженсен), Вупи Голдберг (Ода Мэй Браун), Тони Голдуин (Карл Бранер).

Это — и «ужастик», и комедия, и боевик. Патрик Суэйз играет... привидение, призрак человека, убитого из-за того, что он располагает некоторой компьютерной информацией. Убийцы охотятся теперь за его возлюбленной, и призрак пытается предупредить ее о надвигающейся опасности, но тщетно, ибо он... призрак. Он нематериален. К счастью, герой находит медиума. Роль медиума досталась блестящей комедийной актрисе Вупи Голдберг, и дуэт Суэйз — Голдберг стал украшением осеннего сезона в американском кино.

ПРИВИДЕНИЕ

NIGHTBREED

НОЧНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

США—Великобритания. 1990 г. 1 ч. 41 мин. Режиссер Клайв Барнер. В главных ролях: Крейг Шеффер, Энн Бобби, Дэвид Кроненберг, Чарлз Хайд.

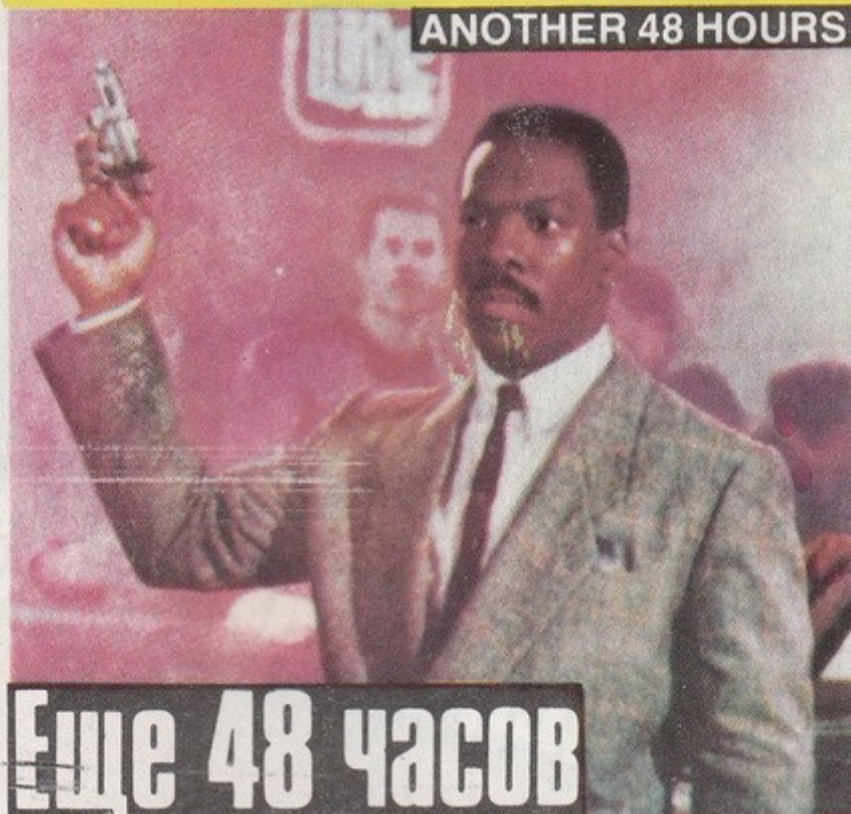
Вот что бывает, когда люди вплотную сталкиваются с кошмарным мифологическим народцем, живущим в укрытых льдами подземельях канадской провинции Альберта! То есть получается все наоборот: «кошмарный» и уродливый народец оказывается куда добрее и честнее явившихся к нему людей. Короче, новая разновидность фильмов ужаса — монстры вызывают больше симпатии, чем якобы терзаемое ими человечество.

Видеоклуб

США. 1990 г. 1 ч. 35 мин. Реж. Уолтер Хилл. В главных ролях: Эдди Мерфи (Регги Хэммонд), Ник Нолт (Джек Кейтс), Брайон Джеймс, Эд О'Росс и др.

Все, кто помнил первый фильм «48 часов», с нетерпением ждали продолжения: дуэт Мерфи — Нолт был удивительно удачным. Но, увы, как многие продолжения, следующие 48 часов оказались довольно утомительными. Полицейский Джек Кейтс снова вытаскивает из тюрьмы своего прежнего помощника, преступника Регги Хэммонда. Их задача — отыскать торговца наркотиками, а также сделать так, чтобы сам полицейский не угодил за решетку по обвинению в убийстве. Короче, приключений хватает, однако... скучно!

ANOTHER 48 HOURS

Еще 48 часов

МЕМФИССКАЯ КРАСАВИЦА

MEMPHIS BELLE

США — Великобритания. 1990 г. 1 ч. 46 мин. Реж. Майкл Кейтон-Джонс. В ролях: Мэтью Модайн, Эрик Столц, Тэйт Donovan, Д. Б. Суини, Билл Зейн и др.

Все здесь достаточно предсказуемо (для того, кто хорошо знаком с фильмами о второй мировой войне): экипаж американского бомбардировщика «Мемфисская красавица», базирующегося в Великобритании, собирается совершить свой юбилейный, двадцать пятый вылет. Десять членов экипажа — десять характеров, блестяще сыгранных молодыми актерами, — ведут себя поразному, потому что это должен быть последний вылет: после него они вернутся домой героями. Но задание оказывается слишком трудным... Как раз в предсказуемости и привычности сюжета и видится основная прелесть фильма.